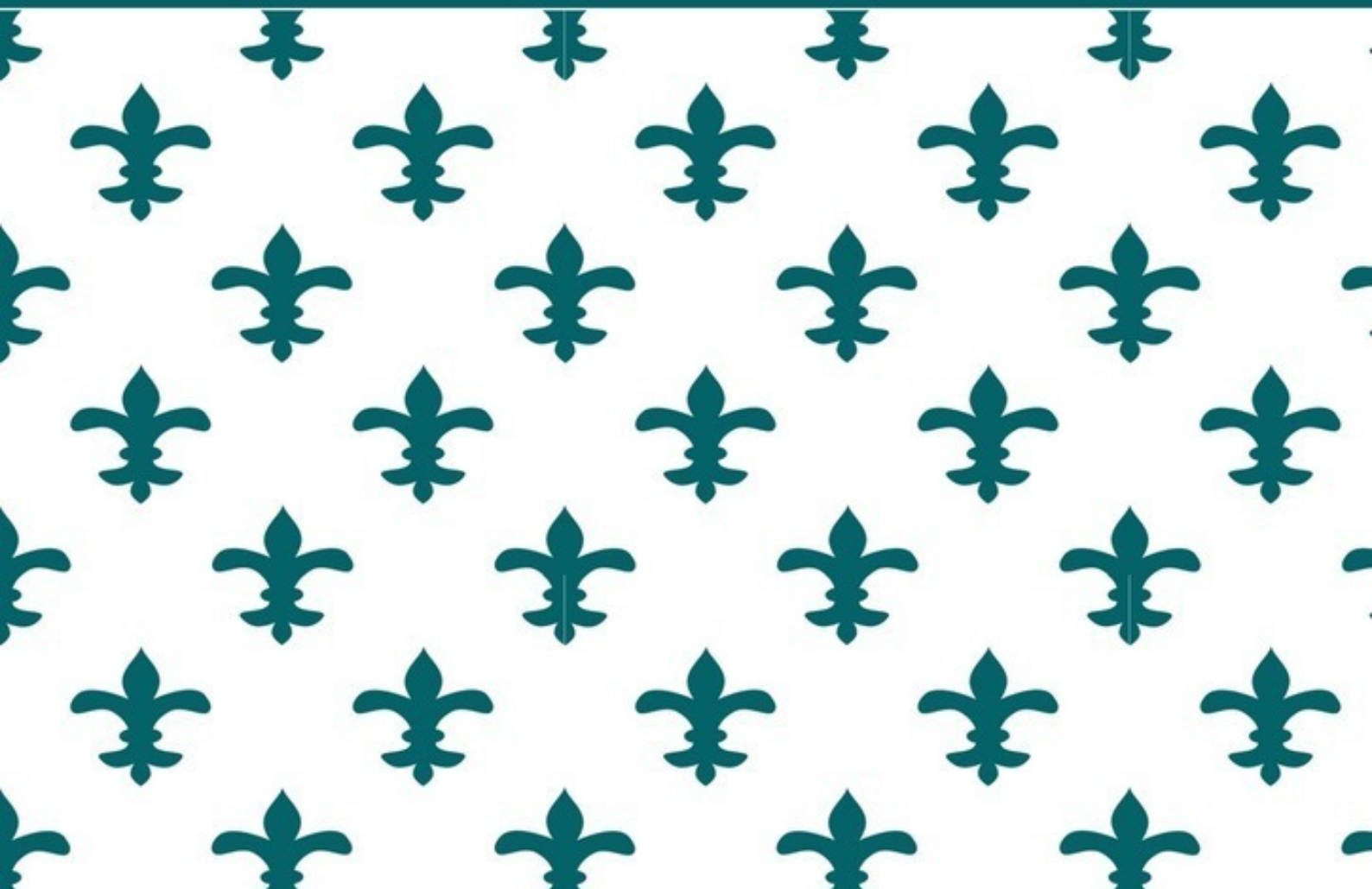

Анатолий Агарков

*Три
напрасных
года*

Анатолий Агарков

Три напрасных года

«Издательские решения»

Агарков А.

Три напрасных года / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907243-6

Ваше благородие, госпожа Повестка,
Для кого ты сапоги, а кому и беска,
Другу два по дружбе, ну а мне все три,
Не везёт мне в службе — повезёт в любви.

ISBN 978-5-44-907243-6

© Агарков А.
© Издательские решения

Три напрасных года

Анатолий Агарков

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-7243-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ваше благородие, госпожа Повестка

Для кого ты сапоги, а кому и беска

Другу два по дружбе, ну а мне все три

Не везёт мне в службе – повезёт в любви.

– Набирается семнадцатая рота! – приземистый майор ткнулся подслеповатым взглядом в список личного состава.

– Абросимов,... Авдюков,... Агарков..., – голос, однако, хорошо поставленный командирский голос, далеко разносился по широкому плацу.

– Бегом! Бегом! Чего ноги волочите, как беременные тараканы.

Подхватив пожитки, мы выбежали на плац.

– В колонну по шесть становись! – рычал офицер областного призывного пункта.

Что делать? – строимся в колонну. Наша задача – подчиняться, а уж кому командовать всегда найдутся. Вон от дверей штаба в нашу сторону направили стопы трое военных в морской форме, с чёрными погонами в зелёной окантовке – старший лейтенант, мичман и старшина первой, кажется, статьи.

Майор закончил орать по списку, осмотрел критически нестройную колонну из девяти десятков новобранцев.

– Равняйся! Смирно!

Махнул рукой подходящему старлею:

– Забирай.

Они обменялись рукопожатием.

Мичман с высоты двухметрового роста орлиным взором окинул наши ряды.

– Подравнялись. Чемоданчики в руки, мешочки на пле-ЧО! Прямо ша-ГОМ марш!

Вот это голос! И выправка у него военная – старлей-то с брюшком. А старшина – меланхолик какой-то.

Мы тронулись, пытаюсь шагать в ногу. За спинами родился шум и выплеснулся в свисты, крики, улюлюканье:

– Шнурки!

Во как! Быстро! Пять минут назад плечом к плечу стояли....

Но и наши острословы не остались в долгу:

– Сапоги! Шурупы! Салажня!

Сапоги – понятно. Шурупы – это от пилоток. Салаги? Салаги они и есть.

В электричке, пока добирались с Челябинск-Южного до Челябинск-Главного, познакомились с «покупателями». Старший лейтенант Ежов, он же замполит одиннадцатой роты, объяснил, что предстоит нам службу начать в Отдельном Учебном Отряде Морских Специалистов пограничных войск Комитета Государственной Безопасности при Совете министров СССР. Как записано, так и прозвучало. Что отбирали нас по особым критериям и очень тщательно.

Во-первых, интеллект – выше среднего. Одиннадцатая рота малых катеров, хоть и принадлежит к электромеханической школе, которая готовит мотористов на корабли и электриков, но имеет свою специфику. Кроме пограничной и морской подготовок, дизелей и генераторов, должны мы освоить, знать и применять лоцию, ППСС (правила предупреждения столкновения судов), кораблевождение и много других преинтереснейших наук (например, флажный семафор и азбуку Морзе). Корочки, которые вручают по окончании ОУОМСа, дают нам право обслуживать не только дизеля до 1000 лошадиных сил на всех судах (даже океанских), но и управлять любым транспортным (водным, разумеется) средством на реках и в акваториях портов. Буксиром, например.

Во-вторых, с патриотизмом, нравственностью и законом у нас должно быть всё в ажуре. То есть – не судился, не привлекался, не приводился. В связях, нас порочащих, не замечались.

В-третьих, к здоровышку претензий нет. Всё тяготы и лишения – без ропота и себе не в ущерб. Не только уметь плавать и воды не бояться, но и качку терпеть, аппетита не теряя, голодать, если потребуется (как Зиганшин, к примеру). Ну и врагу спуска не давать – чтить и преумножать славу наших доблестных предков. Чёрной и полосатой смертью называли фашисты моряков. Не зря, должно быть.

Короче, старлей с нами провёл политбеседу, и наши носы поползли вверх. Ещё бы – элитные войска, надёжа и опора всего могучего Советского Союза. Мы так всё поняли и загордились ужасно. С тем приехали на вокзал, с тем и стояли строем на перроне, желая соответствовать.

Ежов и мичман Титов куда-то пропали. В сторонке курил старшина Пестов. Его меланхолия объяснялась легко и просто – приказ министра обороны нас призвавший, его демобилизовал. Он уже трижды за последние два года побывал дома, приезжая за новобранцами. И теперь его дембельский чемоданчик под отчим кровом в Верхнем Уфалее (город такой в Челябинской области). Осталось – нас сопроводить в Анапу и в штаб за документами. Он теперь в мыслях – гражданский человек, дни считает. Ну а нам – годы и месяцы. Курили в рукав, стоя в строю, хотя, растворись по перрону – Пестов и бровью бы не повёл.

Какой-то бич вокзальный подваливает. Я – крайний, меня и теребит за рукав.

– Слышь, браток, махнём куртками? Вас всё равно в части переоденут, а гражданку в топку.

На мне была штормовка, выдавшая виды – не знаю, чем прельстила.

– Отвали, – говорю. – Буду я твоих вшей таскать.

У меня над ухом за спиной:

– Я отца зарубил! Щас будет тебе куртка!

Бас что надо! Бомжара в бега. Я оглянулся. Парень выше, шире, здоровее и ряха такая тупорылохитрая, что трудно понять – то ли шутит, то ли всерьёз про отца говорит. Больно странная прибаутка. Мой зять, к примеру, ругается так – сволгибрёвна! Белиберда, а получается – с Волги брёвна – ни слова матерного.

Чистяков у парня фамилия, и призывался из Златоуста. Попали с ним в один плацкорт, или как это правильно называется: отсек, секция в общем вагоне... короче – кубрик. Они сбоку с призывником по фамилии Дмитриев пристроились. Этот – педик недоученный: из пединститута призвался, Челябинского государственного. То ли у них кафедры военной нет, то ли второгодник, как я. Шибко он был похож на моего деда Апалькова Егора Ивановича. Нет, вообще на деда – сутуловатый, с неспортивной фигурой, шаркающей походкой, дребезжащим голосом, и по-стариковски нудный. Как такого в спецвойска? Должно быть, интеллект выше крыши.

Я спросил:

– Откуда родом?

– Из города Гурьева, – отвечает.

– Если город, значит Гурьевск.

Зачем сказал – сам не знаю. А он начал ворчать и ворчал о моих географических познаниях ещё долго, пока не набил рот жратвой. Поделив с Чистяковым полки, скоренько разложили нижнюю на два сидения и столик, выпотрошили рюкзаки, принялись чавкать.

Мне досталась средняя полка. Расправил постельные принадлежности, сунул под подушку спортивную сумку, в которой кроме туалетных принадлежностей и тёплых носков были спички и сигареты.

По вагону прошёлся Титов.

– Сейчас уже поздно. Подкрепляйтесь своим. С завтрашнего дня встанете на довольствие Министерства обороны, и питаться будете в ресторане.

Мне подкрепляться – разве что сигаретами. Скинул обувь и полез на свою полку дожидаться того часа, когда распахнёт двери вагон-ресторан и изящная официантка.... Снизу запахло копчёным и жареным. Представить изящность женской фигурки не дала чья-то лапа. Бесцеремонно постучала по краю полки, а её хозяин (Вовка Постовалов) возвестил:

– Вставай, братан, рубать будем.

Глянул на столик внизу. Всё, что там было выставлено, мне, конечно, понравилось, а запах просто с ума сводил, но....

– Всё, что могу добавить к сервировке, это сигареты.

– Добавляй! – махнул рукой Захар (Сашка Захаров), единственный курящий в этой компании.

Я спустился вниз и наелся до отвала, как давно не трапезничал в беспокойной (если не сказать, бесприютной) своей студенческой жизни. Потом мы с Захаром покурили в тамбуре, и все дружно присели на спину – завязывать жирок. Жить, как говорится, хорошо. Но.... С соседней средней полки подал голос Постовалов, а для убедительности ещё постучал кулаком по моей:

– Э-эй! Не спать. С тебя история. Зря, что ль кормили? Расскажи что-нибудь.

Подумал – справедливо. Посмотрел в окно.

– Что вам рассказать?

Мелькнул освещённый перрон Еманжелинского вокзала.

– А вот слушайте....

Это случилось примерно год назад. Ехал с картошки – документов полные карманы (от паспорта до зачётки), а денег ни копейки. Контроль – подловили, высадили. На вокзале в линейном посту оформили протокол. Главное – не соврёшь.

– И что теперь делать? – спрашиваю.

Мусор в лейтенантских погонах:

– Ждёшь следующую секцию, садишься с протоколом. А потом заплатишь штраф и проезд. Не оплатишь – в институт сообщим. Ясно?

Куда ясней. Сажу на лавочке у вокзала, жду электричку. Подходит паренёк. Не помню: я ли у него стрельнул сигаретку, он ли у меня. Разговорились. Он, оказывается, только-только демобилизовался. Девчонка любимая его ждала, два года письма слала, а под приказ замуж засутилась. Вот на свадьбу он и прикатил в деревню Еманжелинку. Сам-то троицкий, городской. Да только никому не стал он здесь нужен – вытолкали за порог. Выслушал я его, посочувствовал, на том и расстались. Час сажу, другой проходит. Электричку для меня объявили. Тут и дембель свежепознакомленный появился – несётся на всех парах. А за ним – мама дорогая! – толпа пьяных мужиков. Должно быть, любовью раненое сердце вновь на свадьбу его затащило, ну а там, понятно – все уже разогреблись до нужной кондиции.

Срубили его в шагах двух от меня. Он ручонку тянет:

– Помоги, друг.

Какой, помоги! Свои бы проблемы решить – вон электричка подошла. Но меня никто не спрашивал – на чьей ты, парень, стороне? Засвистели, замелькали кулаки – бац! бац! Я

и окривел сразу на один глаз. Но другим-то вижу. Нет, сам себе говорю, не для того меня с электрички ссадили, чтобы пьяные мужики в на еманжелинском вокзале до смерти забили. Сумкой прикрываюсь, одному как засадил в дыхалку ногой. Смотрю – крючится у лавочки. Другой вообще – кульбит через неё и застрял в кустах надолго. А мне же домой надо. Рванул к электричке. Только сглупил малость: мне бы через пути и прямо к дверям открытым, а я по дорожке.... Ну и выскочил на середину вагона. А там – ни дверей, ни дверцы. Пока размышлял: направо иль налево, меня настигли, и снова – бац! бац! Ажна искры из глаз. Вот сволочи, другой бы раз поучил вежливости, а сейчас, простите, тороплюсь – вот-вот электричка уйдёт. Рванулся в одну сторону – не пробиться, в другую – та же картина Репина: приплыли, называется. Но в жизни всегда есть место случаю. Случилось: курили парни в тамбуре, видят – потасовка. Выскочили – бац! бац! – лежат орёлики и на свадьбу свою не торопятся. Меня в вагон затащили, а я уж ничего не вижу. Вот такие дела.

Постовальчик очень мускулистые руки за голову закинул:

– А я всё думаю: узнаешь ты меня или нет?

– Признаюсь, память на лица плохая, – говорю. – Уж сам расколись: со свадьбы ты или с электрички.

– Я тебе намекну, а ты постарайся догадаться – сеструхин платочек увёз тогда.

– Помню, обтирали мне личико разбитое две девицы. Тогда, значит....

Я протянул Постовалу руку:

– Спасибо, друг.

– Брат, – поправил он.

– Твой должник.

– Сочтёмся.

После продолжительного молчания Постовалов окликнул ребят напротив:

– Эй, вы там – расскажите что-нибудь?

Дмитриев пробурчал что-то по-стариковски. А Чистяков рявкнул:

– Я отца зарубил!

– Понятно.

Я свесил голову к Женьке Талипову на нижней полке:

– Ты боксёр?

Тот потрогал сломанный и приплюснутый нос.

– Нет, это копытом. Лошадка подо мной на льду поскользнулась – два перелома от ступни до колена. А как поднялась – ещё копытом в лицо. Вот я полз домой и думал – замёрзну.

В трёх словах – а какая жуткая история. Я представил – бр-р-р! – упаси Бог.

Постовальчик свесил голову к Захарову:

– Санька, расскажи ты историю.

– А про что рассказать?

– Про баб, конечно – ты у нас мастер по этой линии.

Захар без бахвальства:

– Да у меня и опыт большой. Я ведь с раннего детства начал.

– Как ты их обалтываешь?

– Легко. Я ведь упрямый: пристану – хрен кто отвяжется. Этим летом девчата на току работали – зерно лопатили. Я в обед на машине приехал, Танюху там одну в склад заманил, на пустые мешки завалил.

– Дай, – говорю.

Она:

– Нет.

– Дай.

– Нет.

– Ну, как хочешь, – говорю. – Только знай, я упорный: могу лежать на тебе весь обед. Да хоть до самого вечера.

– Ну и как?

– Дала – куда ей деваться. Я ж говорю – упорный, никто не устоит.

Не любил пошлых разговоров. Но Захар так безыскусно и в то же время юморно рассказал о своей победе, что я посмеялся вместе со всеми. Да и Танюхе упомянутой может и не совсем плохо было. Иначе б парился Захар на нарах, а не ехал в поезде служить в элитные войска.

Ребята мне понравились, и не за копчёное сало, гусят-поросят – своей непосредственностью. Все они были родом из Уйского района, только из разных деревень – Ларино, Верхнее и Нижнее Усцелёмово. Окончили СПТУ – Вовка и Женька механизаторами, а Захар водителем грузовика. Хотелось ему служить за баранкой, а не на катере. Да и механизаторы – готовые танкисты. Но военкому видней – где кому. Ну и едем – чего тут обижаться? И на кого?

На следующий день мичман Титов навёл в вагоне флотский порядок. Всю обувь спрятали в ящики под нижние полки. Ходили в носках. Кому нужно покурить или в туалет – в тамбуре стояли три пары ботинок самого большого размера. С расчётом – один в туалет, двое курят.

Титов курильщикам:

– Надо беречь своё здоровье: оно теперь принадлежит Родине.

За порядком следили дневальные. Трижды в день после еды (питались мы в вагоне-ресторане) загоняли они всех на полки и мыли «палубу». А попросту – влажной тряпкой протирали пол вагона. Ночью тоже мыли – один раз после отбоя.

Вы не представляете, как хорошо думается под стук колёс! О чём? Да о чём угодно. Вот, например, похоже наше противостояние с НАТОй на борьбу древней Спарты с Афинами? Спартанцы – символ мужества, чести, доблести воинской. Полное презрение к роскоши, разврату, неги и ленности. И наоборот – уважение к женщине, простой суровой жизни, заполненной упорными занятиями, и, как результат, победы во всех сражениях. Они даже говорили лаконично, то есть кратко, метко и по делу. А американцы, то есть афиняне – это бесконечная погоня за богатством. Когда оно есть – жратва от брюха, порочные женщины, от которых детей заводить стыдно. Хвастовство сплошное. И, конечно, за меч братья не хочется. Зачем? Пусть наёмники упираются. Вот у нас – армия народная, служба – долг Родине, а америкосы – только за деньги. Думаю, мы им накостыляем. Хотя, войны, конечно, не хочется. Мы их должны победить в мирном соревновании. На экономическом поприще. Что для этого у нас есть? Конечно, колоссальные богатства огромной страны. И народ, закаленный суровой жизнью – дружный, работающий. Есть, конечно, исключения. Чебуреков взять – вечно они толкуются на базарах, за копейку готовые удавиться. И сталь варить, конечно, не могут. И не хотят. И станки делать. И землю пахать. Что с ними делать? Государство, конечно, воспитывает молодёжь – партия, комсомол, пионерия. Но если отец на базаре – кем сынок вырастет? Да торгашом и вырастет, что ему не внушай. Что же делать? Есть над чем задуматься.

Вот Афины. Им не надо было думать: кем стать и как жить. Вся Греция через их порт Пирей товары тащила – вот и не зевай, набивай кошелек торговлей. А Спарта? Такой она стала и прославилась в веках благодаря одному человеку – Ликургу. Пришёл он, посмотрел на людей и сказал: надо жить вот так и не иначе. Всем понравились его законы – и возник город Спарта, и стал таким, каким мы его теперь знаем. Вот бы мне стать советским Ликургом – написать законы, убедить всех, что именно так, и только так, жить надо. Законы у нас Партия издаёт, Верховный Совет и Правительство. Мне туда – только в мечтах. Но ведь можно затеять преобразования, скажем, в одном отдельном коллективе. Как пример для подражания. Как ядро для кристаллизации.

Мои новые друзья – механизаторы, парни вполне сметливые, подвижные, в смысле, к новому. Подбить их, да и других желающих после дембеля поехать, ну, скажем, в Казахстан, на целину. Организовать там, на пустом месте, в дикой степи колхоз, коммуны да как угодно

назови – коллектив, который будет жить, и трудиться по правилам самими установленными. Упорный труд, занятия спортом, художественной самодеятельностью, и основа основ – флотский порядок и чекистская самодисциплина.

Утопия? Но почему? Мне лично идея нравится. Почему она не должна понравиться названному брату Постовалу, Женьке Талипову, Захару? Как её осуществить? Мне не представляется сложным. Под дембель списаться с «Комсомольской правдой». Там инициативу наверняка поддержат, по своим каналам пробьют нам землю, где будем жить и экспериментировать. Кинут клич девчатам по всей стране – мол, молодые, холостые, храбрые моряки едут осваивать целину – поддержите своим участием и любовью.

А почему целину? Потому что Талипов с Постоваловым – механизаторы? Да они работали-то на тракторах максимум один год. А за три года службы станут настоящими морскими волками. К чёрту пыльные степи! Даёшь остров Врангеля! Или Юденича. Или Колчака. Любой необитаемый. Мы его быстренько освоим. Монахи же справляются на своих Соловках. Ага, монахи. У них основной движитель по жизни – вера. И у нас тоже! У них – в загробную жизнь. У нас – в коммунистическое будущее.

В принципе, всё сходится – труд, спорт, культурная жизнь – всё можно внедрить железным флотским порядком. Как быть с женщинами – вот вопрос! Нет, конечно, трудиться и спортом заниматься девчонки тоже умеют, а петь и плясать гораздо лучше нашего. Но с любовью как быть, с интимными отношениями? Со сколькими девчонками я не встречался – со всеми расстался. Еду на службу, а переписываться не с кем. Кому-то я не понравился, кто-то мне. Гармония у нас была только с Таней из Нагорного. Но ведь мы тогда ещё были детьми. Об интимных отношениях даже не помышляли. Да и – приходит теперь понимание – не любила она меня. Так, играла спектакль. Смена в лагере закончилась, и Таня всё забыла. Рыжен рассказывал: где-то с нею познакомился и поехал в Нагорный. Накостыляли ему там. Впрочем, ему не привыкать. Поехал бы я – тот же результат. Так что не судьба.

Да-а, женский вопрос может поставить крест на нашей колонии. Этого люблю, с этим не хочу. И наоборот. Захар – надо не забывать – упрямый мужик, на всех полегит, но своего добьётся. Что ж тогда делать? Полная свобода половых отношений? Никаких браков. Трудимся вместе, живём вместе, спим вместе. А что из этого получится – воспитываем вместе. Братья и сёстры в вере в светлое будущее. С одной стороны, оно конечно неплохо – никаких преград. Понравилась девчонка – ты ей: пойдём, мол, в спальню. Она: извини, сегодня не успею – вон какая очередь. Иди, записывайся. Во, до чего додумался! Коммуна с антикоммунистической моралью.

Блин, да как же преобразовывать общество и строить светлое будущее всего человечества? Как решить проблему основного природного инстинкта? Ввести всеобщую кастрацию? Ну, тогда человечество вымрет. Если не всё, то социалистический лагерь точно. Не хотелось бы империалистам уступать Землю без боя и по глупости.

Что придумать можно? Не получается из меня Ликурга. Хотя нет, почему же. Плоды его законотворчества аукнулись Древней Греции только поколения спустя. Я вот тоже знаю, что основа основ построения коммунизма – это воспитание нового человека. А это нелегко и разом не даётся. Вот если отец мой во всех отношениях порядочный человек, то и я себя таким мню, и хоть сейчас готов жить при коммунизме. А вот если Захар упрямством добывается от девушек самого для них дорого, то каким же вырастит его сын? И гадать не приходится: яблоко от яблони....

В голове моей роились такие мысли, а за окном мелькали унылые осенние казахские степи. И незнакомые плоские лица, и верблюды у железной дороги, и сайгаки где-то у горизонта....

Проехали Гурьевск. Нет, прав Дмитриев – Гурьев. Это я, глянув в окно на вокзальное строение, прочитал нарочито громко:

– Гурьевск.

Дмитриева с седалища аж подбросило. Ну и трелей стариковских до отбоя. Педик он и есть педик – на всю жизнь однажды заученные догмы, и ни на грош юмора. Как такому ребятишек доверить?

В Астрахань заглянули. Поезд, конечно. А мы только в окно что узрели – и все впечатления от столицы прежнего ханства, которую Иван Грозный к Российскому царству присоединил.

– Слышь, – говорю Чистякову, – между прочим, двух сынов мужик укокошил и парутройку жён.

Он понял, но от полемики уклонился:

– Я отца зарубил.

Гудермес. Здесь пришлось расстаться с поездом и его уютным вагоном, нас приютившим. На вокзале картина во всю стену – кадр из кинофильма «Кубанские казаки». Она, красивая, в тачанке – он, чубатый, на коне.

– О-пана! – озвучил кто-то прихлынувшие чувства. – Говорят Чечня, а мотивы родные....

– Да все чеченцы сейчас в Казахстане парятся. Их ещё в войну Сталин в порочных связях с Гитлером уличил.

Но оказалось, не все чеченцы в казахских банях. Нужный нам поезд предстояло ждать долго, и командиры провели разведку на счёт «порубать». Сначала вся толпа ушла в городскую столовую, а наш «кубрик» в известном составе остался на вокзале сторожить пожитки. Потом пошли мы с Ежовым во главе. Шли, правда, не строем – просто окружили его и слушали – замполиты, известно, болтать умеют.

Мы с Постовальчиком как-то быстро отмахали ложками, вышли на улицу, ждём остальных, спичками зубы ковыряем. Вот они, дети тех, кого за симпатии к немецко-фашистским оккупантам Генералиссимус послал целину поднимать. Подваливают. Где на словах, где жестами объясняют – что нам не следует жлобиться, а поделиться деньгами, которых у нас полные карманы, с этими бравыми ребятами, горными орлами, потому что они в городе самые крутые.

Может, не дословно я тут перевёл их речь, но, в принципе всё понятно. В любом населённом пункте – возьми Челябинск, Троицк или будь то наша тихая Увелка – найдутся вот такие уркаганы, которые считают верхом гостеприимства отобрать у приезжих часть их денег. Заметьте – именно, часть, потому что они не бандиты и не воры, а очень даже гостеприимный народ, но обычай требует....

Я, понятно.... Да, причём тут я – любой молодой человек бывал в подобной ситуации. Не поверю, если кто-то скажет, что нет. Выбор тут вобщем-то невелик – или отдай, или дерись. Можно, конечно, попытаться убежать, но, уверяю – это бесполезно. Такие орёлики прежде, чем подойти сначала отрежут все пути отступления. Самое гадкое – когда паренёк денег не отдаёт, бежать не пытается, постоять за себя тоже. Стоит с пунцовой рожей, а пронырливые руки выворачивают его карманы.

Выбора у нас с Постовальчиком не было. Я это чувствовал и, даже не видя лица, знал его решение – надо бить. Я стоял ближе – мне и выпало первому в эту чебурецкую харю двинуть своим кулаком. Можно было, конечно, вступить в переговоры, оттянуть время, дожидаться ребят и офицера. Но я видел их рожи, готовые встретить дружным издевательским хохотом любое произнесённое мной слово. Они просто зачарованно смотрели мне в рот, словно ждали команды – всем ржать! И совсем не обращали внимания на руки. А зря! Ладони сжались в кулаки, напряглись. Я уже сделал выбор – правой этому, левой тому....

– Я отца зарубил! – то ли вовремя, то ли некстати рявкнул за спиной Чистяков.

Чеченцев, как ветром сдуло. Бегать они мастаки. Впрочем, не успели скрыться за углом, как оттуда – мама дорогая! – десятка два парней. Все на одно лицо – чебурек к чебуреку.

Но и к нам подоспело подкрепление: Ежов набил-таки бездомный трюм и выкатился из столовой. Прикрыл нас от надвигающейся толпы грудью и животом.

– Вам чего, ребятки? А впрочем, кстати, берите мяч, приходите на вокзал – сыграем в футбол.

Ему не ответили. Да он и не ждал – развернул нас в сторону вокзала и потопал в аррьергарде.

Чудные дела творит форма – любая: военная, милицейская – с чеченской молодёжью. Будто гипнотизирует. Откуда это у них? Должно быть, от предков, со времён генералиссимуса Джугашвили. Погоны старшего лейтенанта морских частей погранвойск остановили мчавшуюся на нас орду северокавказских аборигенов. В отдалённости они всё же плелись за нами, не делая больше попыток вступить в контакт. Озираться на них не позволяло самолюбие. Но всё же, раз-другой, прикуривая, я бросил взгляд в ту сторону. Число их росло от квартала к кварталу. В руках появились, нет, не футбольные мячи – колья, велосипедные цепи. Может быть, футбольные фанаты – команда следом притащится?

Увидев в окно нас и наш «хвост», на привокзальную площадь мигом высыпали челябинские призывники. Но точку «дружбе народов» поставил мичман Титов – высокий, красивый, в сияющем регалиями кителе. Он вышел вперёд и рывкнул:

– В чём дело, мать вашу...?!

Я уже говорил: чеченцы бегать умели, и даже спиной вперёд. Что тут же и продемонстрировали. Короче, шарахнулись они от мичмана Титова, давя своих. Совсем не разбежались – до темноты маячили в конце квартала. А потом пришёл поезд – прощай Гудермес!

В Грозном пришёл приказ – ополовиниться. Ну, в смысле, не нас пополам, а полвагона следует освободить для других призывников.

– Дикая дивизия! – прошмыгнула проводница.

Титов прошёлся по вагону, отмеряя половину. Пришлась как раз на наш кубрик.

– Не занимать! – приказал мичман. – Поставим заслон.

Мимо потянулись ребята с постелями, пожитками. Устраивались подвое на нижних полках, подвое на средних. На полу, постелив матрас, ложились тоже парой. До того успели поужинать, и мичман потребовал:

– Отбой!

Нам тоже приказал:

– Нижние полки в наряд, средние отдыхают.

Дмитриев, Захаров, Талипов во главе с самим Титовым сели друг напротив друга, коленями заградив проход.

В оставленную нами половину вагона со свистами и гиканьем ворвались новые постояльцы. Они долго и шумно устраивались. Потом сели трапезничать. Потом принялись петь свои горские песни и плясать горские пляски. Песни я мог услышать – грохот двигающегося состава тому не помеха. А про пляски, лежа на средней полке головой к окну, как узнал? Логическим мышлением. Вот если один человек насвистывает и ритмично шлёпает в ладоши, чем занят другой?

Подняли нас в полночь на смену караула. Старшина с Чистяковым первым, мы с Постовальчиком вторым эшелон сцепили колени на проходе, готовые отразить атаку дикой дивизии. Впрочем, как только мичман ушёл, дембель поднял ноги на полку, протянув через проход. И Постовальчик тоже. Им так удобнее – у них за спиной опора. А мы с Чистяковым убрали ноги с прохода – и без наших есть обо что запнуться.

На той половине вагона творились Садом и Гоморра. То есть, призывники из Грозного успели перепиться и беспрерывно сновали по вагону, в нём же курили, пели, орали, плясали – и чёрте что ещё выделывали. Один подвалил к нам. Сначала вроде как прикурить попросил.

Пестов и бровью на него не повёл – будто нет рядом человека. Вот это выдержка! Я таким же хочу стать после трёх лет службы.

– Однако, здесь не курят, – после более чем минутной паузы заметил старшина. Явно для чеченца, но и взглядом его не удостоил. Тот взбесился.

– А не хочет ли, уважаемый, помериться силой с гордым сыном бурного Терека?

– Я отца зарубил! – рявкнул Чистяков.

Чеченца аж передёрнуло. Я думаю от страха. Он только что не подпрыгнул на месте, но повернулся и быстро-быстро, раскачивая вагон, понёсся прочь. Мы думали, совсем пропал. А он вернулся. Да не один. С таким же черноволосям тащил под руки, а вернее, толкал вперёд ногами сиволобого сержанта (однако, старшего) внутренних войск.

С безбровым лицом и рыбьими глазами на чеченца он ничуть не похож. Скорее прибалт – может, латыш или ещё хуже. Но какой гигант! Ростом далеко за два метра – это точно. Ладони – две моих. Сапожищи... Да что говорить! Пьян был вдрыбаган. И в руке ещё сжимал плетёную бутылку с чачей.

Приволокли его чебуреки, усадили неподалёку от нас, стали что-то объяснять, указывая на Чистякова и нашего старшину. Смысл-то был понятен. Отметелить надо либо того, либо другого. Либо обоих вместе. Ничего не видящим взглядом старший сержант внутренних войск оглядел нас. Потом выставил перед собой ладонь. Жест должен был означать – щас! Потом приложился к горлышку и запрокинул голову. Глотал он долго. Что-то завораживающее было в этом действе. Мы все четверо, не отрываясь, смотрели на него. Даже Пестову изменила его привычная невозмутимость – он и ноги опустил. И Постовалов тоже. А у меня так слюнки побежали. Я же говорю....

Вояка опустил бутылку. Чичик ему тут же закусочку к губам – пимикан какой-то или сухофрукт. А старший сержант выпучил на него глаза и после непродолжительной паузы вдруг оросил потоком извергнувшейся изо рта жидкости. Потом вскочил и, раскачивая вагон, кинулся прочь, закрывая рот ладонью и разбрызгивая из-под неё по сторонам излишки пищи.

– Ах, чинарики проклятые, весь вагон мне загадят! – раздалось за нашими спинами, и в то же мгновение, беспрепятственно миновав кордон, давно уже нестройненькая проводница устремилась вдогон.

Она неслась по проходу за сержантом, а вслед ей с полок свешивались чернявые бестолковки. Вот уже несколько спин заслонила её от наших взоров. А потом раздался визг.

Чистякова будто пружина подбросила:

– Я отца зарубил!

Следом я ворвался на вражескую территорию. В спину мне толкался Постовал.

– Я отца зарубил!

Чистяков настигал чинариков и бил их по затылку могучим кулаком. Они летели вперёд, забивая проход, словно пробка бутылку. И набилось их так, что его богатырский кулак не мог уже пробить брешь в этом месиве. Тогда он стал хватать их за плечи и выбрасывать с прохода. Мне за его спиной делать было нечего, и я свернул в ближайший кубрик, чтобы предотвратить атаку с тыла.

– Лежать! – орал я. – Лежать, сволочи! Всех поубиваю!

Чья-то чернявая голова свесилась со средней полки. Я – бац! – по ней кулаком. На нижней полке паренёк поджал к подбородку колени. Я подумал – встать хочет.

– Лежать!

И сбил каблуком в стенку бледное пятно его лица. В проходе копошилась повергнутая Чистяковым фигура. Я прыгнул ногами к нему на спину.

– Лежать!

Бац! Бац! – в соседнем кубрике Постовалов раздавал тумачи. Хрюм! Хрюм! – отзывались на удары чьи-то рожи. Женский визг прекратился. И драка затихла, когда вагоном промчался мичман Титов.

– Аат – ставить!

Через полчаса все грозненские новобранцы лежали на полках под приказом – не вставать! Двое или трое из них под контролем проводницы мыли пол. Поперёк всего вагона возлежал гигант-сержант, продолжая раскачивать состав, теперь уже могучим храпом. За боковыми столиками в каждом кубрике сидели наши парни, контролируя ситуацию. Мы с Постовальчиком – водрузив ноги на сержантовы сапоги. Голова его арийская терялась где-то в полумраке.

На следующей станции наших беспокойных соседей высадили. Видимо, тормознули не из-за драки, потому что на перроне были не только мусора, но и форма внутренних войск мелькала. Должно быть, доехали ребятки до места своей службы. А мы тронулись дальше – в Краснодар.

Интересно, помнят ли парни из Грозного осеннего 1973 года призыва во внутренние войска чистяковское «Я отца зарубил!»? Я вот помню.

Но пойдём дальше.

Ваше благородие госпожа Учебка

Мне б тебя забыть давно – запомнилась ты крепко

Здесь порядок флотский – что ни говори

Не везёт мне в службе – повезёт в любви.

Анапа – город курортный. Всесоюзная детская здравница. Город магнолий и кипарисов. А ещё винограда. Ребята весеннего призыва рассказывали – руки им мыли. Ох, и досталось же бедолагам на уборке. Впрочем, это их рассказы. Нам достались персиковые аллеи. Хотя, конечно, не только без плодов, но даже и листьев. Это понятно – глухая осень.

В Анапе следы трёх культур. Любая сердцу моему Древней Греции – в виде алтарей на кладбище. Спорил и доказывал всем и всяк, что это именно подставки для жертвоприношений, а не надгробья. Греки, помнится мне, не хоронили своих жмуриков – сжигали, и все дела.

От османов осталась арка каменная. На самом видном месте набережной. Местные говорили: под ней пройдёшь – то ли хорошо будет, то ли хреново. В культпоходе мы были, отличники наши БП и ПП наперегонки. А я кричу – куда, придурки? Ну, когда мы от турок что-нибудь хорошее видели?

По песчаному берегу под парашютом и мостиками бегают лысухи за хлебными крошками. Узнали меня, обрадовались. Я им – привет передавайте уральским озёрам – сам-то не скоро.

Зимы здесь совсем нет. Один раз в Новогоднюю ночь снег выпал. Мы на зарядку выскочили – какой там, зарядка! Давай снежками кидаться. И старшины с нами. Служба службой, чины чинами, но ведь все мы с Урала – а тут, будто домом пахнуло.

Когда температура ниже нуля, замерзают брызги – под мостиками и причалами вырастают ледяные сталактиты. День-другой, глядишь – растаяли.

Ну, вот, наверное, и вся лирика. Служили мы здесь, учились. Не санаторно-курортной – повесткой военкомата призваны.

Первым делом нас конечно переодели. А гражданку в почтовые ящики и домой. В телеграмме прилагаемой пару строк можно черкнуть родным. Что писать? Простите мама с папой вашего сына олуха. Вот не слушался и попал. Написал: «Попал в морчасти погранвойск. Ждите через три года». За спиной почтари смеются:

– Попался на три года.

Неделю подшивались. Сидели в кубриках, пришивали боевые номера, погончики и погоны на робы, парадку, шинели. Потом пошла муштра. Ну а как же, на присягу – строевым.

С первого смотра стало ясно – лучше нашей смены никто не ходит. Смена – это два отделения, ползвода, одна восьмая роты. В каждой свой инструктор – старшина срочник. Нашего звали Олег Вылегжанин, в миру – Глобус, за круглый, лысый и большой череп. Парень он нормальный. Мечтал выпустить нас, первую свою смену, отличной – а тут такой подарок. Мы лучшие на всех смотрах – в роте, школе, отряде. Только мне не повезло. Передо мной в строю свердловчанин Сергей Терёшкин. Помните портрет капитана Флинта – широкие плечи говорили о силе удара, и узкие бёдра – о способности от них уворачиваться. Это о Терёшкине. Ещё добавлю, у него голова и шея – одно целое. Атлет, короче.

Его земляк стоял за моей спиной – Сашка Чурцев. Роста мы одного, но у него сломаны и неправильно срослись обе ключицы. По этой причине богатырской была спина. Вызовут из строя – вот он изобразит букву «с», шлёпает ногами, а в подживотии ручонками сучит, будто тесто месит. Со стороны смотреть – смешно и жалко. В строю преображался. Прижимался чреслами к моим ягодицам, а руками за спиной своей сучил – должно быть, седалище охлопывал.

Я говорю:

– Слушай, друган, тебя случаем не хачик заезжий делал – ты что к моей попе прижимаешься?

А он белёсыми ресницами хлоп-хлоп, и на Терёшкина смотрит. Тот вопросительно на меня. А за Чуркиной спиной Постовальчик провоцирует улыбкой – давай, начни, а я закончу.

Глобус на него орал:

– Чурцев, держи равнение!

Его не понимало. Более того, стал мне ногу подсекать. Моя вверх, согласно общему движению, а Чуркина следом, догоняет, и – бац! – подсёк. Я чуть не падаю.

Глобус:

– Агарков, ноги повыдёргиваю – будешь спотыкаться.

Я Чурке:

– В рыло дам.

Он на Терёшкина – хлоп-хлоп.

Постовальчик сзади – ну-ну.

Лопнуло терпение: разворачиваюсь и в хайло ему – бац! Он на меня. На мне Терёшкин повис, на нём Постовальчик. Глобус бежит:

– Отс-ставить!

Разобрался в чём дело и говорит:

– Поменяйтесь местами.

Я же говорю, нормальный у нас старшина. Перестановка в строю повлекла перемену места отдыха. То мы с Постовальчиком на нижних кроватях через проход обитались, а теперь с Терёшкиным на верхних рядом.

Этот будет среди ночи:

– Пойдем, покурим.

– Кончились.

– Угощаю.

Сидим в туалете на подоконнике, дымим. Письмо достаёт:

– На, почитай.

Только и осталось.

– Что там?

– Мама пишет: бьёт её падлюга-отчим. И дочку свою бьёт, сестру мою сводную. Что делать? Приду – убью гада. Я ж его шиздил на гражданке, а сейчас некому....

– Не знаю. Сходи к замполиту – может отпуск даст. Поедешь и отшиздишь.

– Думаешь? – обрадовался Терёшкин.

Отпуск ему не дали. Но пришло письмо от матери. Сообщает – участковый приходил, приструнил дебошира. В зубы двинул. Это, говорит, по-дружески. А не уймёшься – посажу.

– В зубы – это хорошо, – ликует Терёшкин. – Этот козёл по-другому не понимает.

Присягу приняли – сели за парты. Хотя про парты это я образно.

Как и предупреждал старший лейтенант Ежов, готовили нас крепко. В меру строевой, в меру физо, даже политзанятия – не основная дисциплина. Изучали дизеля – в принципе, и в частности. В специальном корпусе их запускали и глушили, разбирали и собирали. Потом робы стирали. Один придурок доумился с содой постирать, чтоб быстрее побелела, и стал бы он похож на старослужащего. Роба-то побелела, а с рук кожа сползла. Потом водили его перед всей ротой, по обоим кубрикам, демонстрируя – как пьяного илота спартанцы.

Катера, я скажу, это что-то! Мы только на плакатах увидели – глаза разгорелись. Красиво, комфортно – «Аисты» называются, проект 1398. Дважды в неделю ездили на пирс, из эллингов выкатывали на стапелях под кран-балку и на воду – ходим по створам, на волну (бортом и носом), привыкая к качке. Набиваем руку в искусстве кораблевождения (правильнее, катерождения).

Выяснилось, что я совершенно не подвержен морской болезни. Во время качки никаких ощущений и после тоже. А братва – кто в каюте пластом лежит (если желудки крепкие), кто на кокпите фалами к поручням примотался и медуз пугает – бэ-э-э-э. Они страдают, а я штурвал накручиваю – за всех сразу.

На пирс едем – штормовое платье надеваем: куртку, брюки – мех под болоньей. На море брызги не только солёные, но и дуже холодные.

Морское дело осваивали в учебном корпусе. В кабинете паркет, вдоль стен под стеклом и без саркофагов макеты кораблей – парусники, броненосцы, современные, с пушками и ракетами. Хозяин кабинета мичман Угрюмов – выдающаяся личность! Историю флота российского знает лучше энциклопедии. Про любое сражение рассказывает, будто участвовал. Он нас паркет заставлял драить, а мы шли на Морское дело, как на праздник. Часами, да что там, сутками готовы были слушать Угрюмого – всегда нам времени не хватало на его уроке. А он:

– Учите, парни, морской язык.

Все эти фок, нок, бизань мачты, стеньги и брам-стеньги... Скажите – ну для чего они нам на современном флоте? А какие бывают канаты? Кроме синтетических есть ещё пеньковые, манильские. Манильские названы в честь столицы Филиппин и вяжутся из копры – продукта кокосовых орехов. Я и не знал.

Морские узлы вязали. Вязали и развязывали. На скорость, на крепость.

Что такое выброска? Берётся булыжник (кругляк), оплетается фалом (верёвкой – если так понятнее), оставляется длинный конец – и готово. Выброска готова. Для чего? Представьте картину: океанские волны, надо пришвартоваться двум кораблям. Трос, самый маленький – толщиной с мою руку. Попробуй, добрось. А выброску метров на пятьдесят (плюс-минус туда-сюда), наверное, любой закинет. Если ещё размотать над головой как пращу...

Как-то с Угрюмым вышли из класса в спортивный городок, встали парами друг против друга и давай выбросками перебрасываться. Сами понимаете, старались не только докинуть, но еще напарнику по бестолковке попасть. Или по копытам.

Потом Постовал говорил:

– Ну, и выдержка у тебя. Я пару раз думал – сейчас башку снесёт. А ты и не дёрнулся.

Мог похвастаться, как был чемпионом среди команчей по этой самой фигне, но не стал. К чему лишние фразы? С некоторых пор решил быть невозмутимым, как старшина Пестов. Только плечами пожал:

– Лучше целиться надо.

Лоцию изучали по реальным картам Дуная, Амура и Уссури.

Вот в чём уж очень сильно я преуспел, так это в ППСС (правила предупреждения столкновения судов). Точнее, в части световой сигнализации, обеспечивающей безопасное плавание в ночную пору. У нас был стенд, на котором загорались различные конфигурации цветных огоньков – белых, красных, зелёных. И по ним следовало определить, что за судно перед тобой. Например: три зелёных вертикально, три белых треугольником вершиной вверх – пограничный корабль левым бортом. Или два белых вертикально, два красных с наклоном вправо и зелёный слева – сухогруз с бочками ГСМ, идёт прямо. Ничего сложного – в две минуты любого обучу. Три белых огня – габаритные – топовый, баковый, ютовый. Топовый – это на мачте, на самом верху. Баковый и ютовый – на носу и корме корабля. Если видишь все три огня сразу, корабль в профиль. В анфас – обязательно топовый и какой-нибудь из крайних. На ходу зажигаются бортовые – красный и зелёный. Два зелёных вертикально – пограничник на ходу. Один красный на мачте – взрывоопасный груз в трюме. Два – танкер, соответственно. Всё. Не надо больше ничего знать и выдумывать. Включай пространственное воображение и выдавай ответы на стендовые вопросы. На соревнованиях стал я чемпионом роты по этому самому делу и очень возгордился. Ответствовал на все просьбы о помощи – раз природой не дано, надо ли напрягаться?

Ну, что ещё рассказать? О БЖ? БЖ – борьба за живучесть корабля. Живучесть – способность корабля оставаться на плаву и выполнять боевую задачу, получив кучу пробоин. Тренажёр – точная копия трюма корабля. Только не повезло ему – оба борта в дырках от пуль и осколков снарядов. Одна такая – мама дорогая! – голова пролезет. Её чопиком не забьёшь – пластырь накладываешь с подпоркой. Переборки тоже надо струбциной подпереть – могут схлопнуться.

Короче, спустили, объяснили, показали и приказали. Сначала насухо всё сделали. Водой даванули – потекла наша работа. Потом под давлением воды все пробоины заделывали. Потом к всеобщей суматохе сирену добавили. Потом мигающий красный цвет. Потом кромешная темнота. Тренировки, тренировки, тренировки. . . .

Расскажу, забегая вперёд, об экзамене. Построили наш расчёт (8 курсантов) в этом самом трюме. Каплей (капитан-лейтенант) из экзаменационной комиссии прошёлся, всем по сигарете в зубы дал. Кто-то:

– Разрешите закурить?

– Разрешаю.

Да как закуришь – стоим в робах без тельников и гюйсов: через минуту будем мокрые, как черти. И спички, и сигареты и сменная амуниция – наверху. А я думаю, зачем он сигареты нам в рот сунул – нет, неспроста. Говорю:

– Сигареты, парни, не выплёвывайте.

– А куда их?

– Под язык засунь.

Я так и сделал. Да пусть себе горько – жуют же табак аборигены.

Только скрылись в подволоке (потолке) каплеевы штиблеты, брякнул люк – началось! Свет погас. Аварийный замигал. Погас, проклятый! По ушам сирена проехала, в грудь – вода. Сорвались, бросились борта латать. Напор с ног валит. Избыточное давление – одна атмосфера. Утопли, значит, на 10 метров. За минуту не управимся – сила напора удвоится. На двадцати метрах погружения (условного, конечно) выключаются сирена, аварийка, включается нормальный свет. В заштопанные дыры сочится вода, давление за бортом – три атмосферы.

Открывается люк, в наше чумное пространство просовывается каплеева голова – осторожно, чтобы формочку не замочить. Видит – всё нормально – спускается. Мы строимся. Он проходит с экзаменационной ведомостью.

– Фамилия? Сигарета ваша где?

Я выплюнул коричневое месиво на ладонь.

– Молодец. Отлично. Ваша? А фамилия? Хорошо.

Не правда ли, интересный подход к оценке индивидуальных действий расчёта.

Ну, это я много вперёд забежал – аж на выпускные экзамены. До них нас лудили и лудили.

Да-а, служили. Но мы были живыми людьми, и с нами случались различные истории.

Расскажу пару штук.

День к отбою катился. У нас личное время. Захар из своего (второго) кубрика прибегает.
– Хотите на «шурупа» взглянуть?

Эка невидаль! Но идём. Сидит паренёк в морской робе и к солдатской шинели пришивает погоны. По щекам слёзы бегут. Никто не смеётся – посмотрели и прочь. Рассказали потом старшины. Пацан из свердловского института в морчасти призвался, а папашка – генерал в Генеральном штабе. Как узнал, ногами затопал – а подать сюда сукина сына! Учиться отправлял – а он вон куда устроился. Короче, от службы отмылить не удалось, а вот от трёх лет – да: в Москву, в советскую армию служить отправили. Был бы парень на гражданке, упал на спинку, ножками посучил, мамашке поплакался, и отстал бы грозный родитель. А тут – на-ка, выкуси. Тут, брат, дисциплина. Приказали – и шей погоны к солдатской шинели, а потом – шагом марш в Москву. Эх, жизнь наша! Даже не знаешь – завидовать или сочувствовать пареньку. Я – сочувствовал.

Другого, по фамилии Моторин, на гражданку жениться отправили по залёту. Беременная девушка папе, тот военкому – в Анапу депеша. Командир навстречу – всегда за советскую семью! Отрядили домой голубчика, мичман в сопровождающих. Без дороги десять дней на всё прочее – сочетание, свадьба и медовая неделя. Вернулся, злой, как чёрт. Оно и понятно – от молодой, любимой жены на узкую курсантскую кровать. В курилке, что на улице перед казармой, друзьям рассказывает:

– она обиделась, отвернулась. Я говорю: чё пердильник отключила – воняешь, лежишь. Она поворачивается. Говорю, спереди ты не лучше пахнешь. Плачет, сука!

Парни другого рассказа ждали, про интим, должно быть – хохотнули сдержанно. Перерыв закончился, потянулись в учебный корпус.

Я в наряде был дневальным по роте. В курилке подметать – обязанность свободной смены. Томился с метлой в стороне, ожидая конца перерыва – этот трёп по ушам пришёлся.

Все вышли. Моторин задержался, увидел меня, входящего, и стрельнул «бычком». В меня, между прочим, целил. Для окурков в центре курилки обрез стальной бочки вкопан. Я ногу на баночку (лавочку), преграждая путь:

– Вернулся и поднял.

Он ударил меня коротко без замаха – в дыхалку метил, но попал в черенок метлы. Её конец и сунул ему в нос. Моторин спиной вперёд побежал, с лица из-под ладони закапала кровь. Я за ним. Знал, что сейчас произойдёт – нутром чувствовал, все поджилки мои вибрировали от возбуждения. Сейчас на метлу обопрусь и двину ногой в грудь – сядет он у меня, голубчик, точно в обрез с водой, харчками и «бычками»....

За спиной, как выстрел из пистолета:

– Товарищи курсанты!

Я крутанулся через правое плечо, метлу как карабин к ноге.

– Виноват, товарищ капитан третьего ранга.

Наш взводный Яковлев.

– С вами что?

Рядом с моим пристроил плечо Моторин:

– Расцарапал, товарищ капитан третьего ранга. В носу ковырял....

– Ага, в носу, – взводный у нас нормальный. – Ну, иди.

Ну, что сказать – молодец Моторин хоть в чём-то: не стал стучать.

Молодец-то молодец, но на следующее утро в умывалке, только лицо намылил, мне – бац! – кто-то по затылку, я губу разбил о кран водоразборный. Пену смахнул, головой верчу –

полроты мимо шмыгает, все торопятся процедуры известные принять. У нас как – пока одни, стоя в проходе, заправляют кровати верхнего яруса, владельцы нижних – в умывалке, и все бегом, всё на ходу. А мне стало доставаться каждое утро.

Постовальчик бы решил мою проблему, но после перестановки с Чуркиным разъехались и наши кровати – нижние заправляют, верхние умываются.

Говорю Терёшкину:

– Проследи, Серёга, кто мой кумпол тревожит.

На следующее утро только мыльными ладонями по лицу провёл, мне кулак в голову прилетел – кожа на щеке лопнула, поцеловавшись с краном. Ах, туды твою!

Глаза промыл, смотрю – Терёшкин рядом фыркает.

– Серый, ну, что ж ты – поставили смотреть, а ты подслушиваешь.

Крутит круглой своей бестолковкой:

– А я что, я ничего. А ты чего?

А у меня кровь по щеке, под глазом синева разливается.

Постовал:

– Терпеть больше нельзя – надо что-то делать.

Вечером в личное время пошли с ним во второй кубрик и прямо к Моторину:

– Твоя работа? Открыто посыкиваешь побазарить?

Нас окружили ребята:

– В чём дело?

Обсудили все нюансы, дали добро на поединок. В курилке – есть и такая в роте, под крышей, приличная, в смысле размеров, по углам урны – закрылись четверо: мы с недругом, конечно, Постовал и Игорь Иванов, командир отделения Моторина. Остальные слонялись по коридору, страхуя на случай чего.

У Моторина вид сельского пройдохи – хитрые глазки и круглое мясистое лицо, напоминающее сортирного червя. Драться он не умеет, но силенкою не обижен – такие в потасовку лезут по пьянке или от великой злости. Мне надо его разозлить, на это расчёт – кинется очертя голову, и я уложу его хорошим ударом: чего тут с ним прыгать, изображая Мохаммеда Али.

– Что, опарыш, звенят коленки?

Он стоял, набычившись, опустив руки, сжав кулаки. Лицо его наливалось краской. Я переступал с ноги на ногу, повадил плечами. На это тоже был расчёт. Пусть мельтешат в его глазах – он рванёт, я подставлю плечо и резко уберу. Он и уйдёт в пустоту, а потом встретиться с моим кулаком.

Что-то медленно мой противник злостью наливается.

– О-па! – я сделал выпад и назад. – Не дрейфь, моряк ребёнка не обидит.

Стоит, сволоочь, желваками играет.

– Опарыш, ты зачем женился? Ты же педик – тебя самого надо...

Он сорвался с места, промахнулся по моему плечу и напоролся подбородком на встречное движение кулака. Высоко взбрыкнул ногами – как фигурист коньками. Грохнулся спиной на кафельный пол. Затылком попытался разбить мозаичную плитку – не смог.

– Всё, – сказал я.

– Нормалёк, – оценил Постовал.

– Закончили, – подтвердил Иванов. Он был лучшим гимнастом роты, и всё поглядывал на Постовала, который на первенстве отряда получил кандидата в мастера по гиревому спорту. Поглядывал и прикидывал: не придётся ли драться ещё и секундантам.

– Нет, не всё, – прохрипел за моей спиной Моторин.

Он уже поднялся на четвереньки и мотал головой, пытаясь остановить вращение Земли. Опираясь на подошедшего Иванова, встал на ноги и оттолкнул его.

– Я готов, – сказал Моторин, мотая головой.

- Похвально, – я обошел его по кривой.
- Парни, кончайте, – подал голос Игорь Иванов.
- Заткнись, – посоветовал Постовал.

Противник был в моей власти – он стоял на ногах, но себя не контролировал. Я мог заткнуть его в галюн (сортир) и макнуть рылом в очко – была такая мысль. Мог усадить задницей в урну, вдавить, сравнив колени с плечами, и тогда без посторонней помощи ему оттуда не выбраться. Я мог сделать с ним всё, что угодно.

С опущенными руками в позе неандертальца, покачиваясь, стоял Моторин. И я напротив. Красивее мне было бы уйти – дело сделано. Но что-то вспыхнуло в душе – то ли обида за далёкую и незнакомую девушку, у которой запах задницы с передницей так раздражали моего противника. То ли жалость к себе пронзила сердце – даже у такого опарыша есть жена, которая, как бы её не обижали, ждёт его и, возможно, любит. А мне-то... Мне и строчки черкнуть некому. На всем Белом Свете не нашлось ни одной девушки, пожелавшей осчастливить меня своим вниманием. Господи, где твоя справедливость?

Тело моё взмыло вверх, и нога обрушилась на противника. Получи, фашист, гранату! Моторин нашёл спиной угол, врезался, стёк задницей в урну и затих. Дело сделано. Мы разошлись, незамеченные старшинами. Больше наши пути с Моториным не пересекались.

Да-а. Письма, письма. Я почему стал отличником БП и ПП, да как бы не лучшим в роте? Писать было некому. Отец дулся, что, не попрощавшись, служить ушел, и общаться не хотел. Сестра разок написала. Увидела дома мои фотографии у мамы и:

– Ах, какая форма! Ах, какой ты красивый, братик. Оставайся жить у моря – мы к тебе в гости будем ездить.

Мама тоже не баловала весточками. Вот и корпел над книжками в часы самоподготовки – святое время письмописания.

Был у нас такой курсант Устьянцев – Устинька – красивый, как девушка. У него даже родинка на верхней губе. Так этому Аллен Делону по четырнадцать писем в день приходило. И всё от девчонок. От разных.

Направляющий нашего отделения – Кошков, а замыкающий – Охупкин. Разница в росте чуть не метр. Первый посадил последнего на колени, сфотографировался и отправил домой. Сестра девятиклассница запала. Требуется от брата: «Познакомь с Обхваткиным – хочу переписываться». Направляющий наш хохочет:

- Она мне до подбородка, ты ей будешь....
- И – ха-ха!

Служил с нами и такой чудак – Уфимцев, из Кировской, кажется, области. У парня был классическая строевая выправка и такой же шаг. Мичмана его в другие роты водили, чтобы показать, каким должен быть строевой моряк. И парень старался изо всех сил, только нервный был очень. Если б я сказал, умственно ограниченный, то, наверное, в зависти уличили. Действительно не было у меня его выправки и такого шага строевого – зато с нервами всё в порядке. Сидим как-то на ЗОМПе (защита от оружия массового поражения), мичман Заболотный вещает.

- Уфимцев:
- Товарищ мичман, можно выйти.

Мичман:

– Можно Машку под забором – во флоте говорят: разрешите. Впрочем, если твою Машку уже тянут под забором, то и тебе «можно».

Зачем он так сказал? Да приколотся – обычная на флоте шутка. А Уфимцев не понял – ринулся на Заболотного с кулаками, да курсанты его смяли.

- Псих, – покачал седой головой мичман

Пришло Уфимцеву от любимой девушки письмо в учебку – невтерпёж, мол, больше ждать (это три-то месяца!), замуж выхожу. Что тут сотворилось – всей ротой его ловили. Носится, орёт: жить больше не буду, руки наложу. Чего орать-то и бегом бегать – пошёл бы и наложил втихаря. В смысле, руки на себя. Народный артист Кировского театра – не люб он был мне. Наши пути не пересекались, но задолбали начальники: Уфимцев, мол, Уфимцев – гордость роты и первый кандидат в старшины. Полил он мне бальзам на душу на выпускном экзамене по строевой. Больше-то ему нечем было отличиться, вот он и напрягся, как струна. Ну, блин, сейчас зазвенит. А комиссия идёт себе неспеша шеренгой – покажите платочек, да подворотничок. Известно – театр начинается с вешалки. Дошли до Уфимцева, а из-под того ручеёк потёк.

– Ну, что ж вы, ... – засмутились экзаменаторы. – Идите, переоденьтесь.

Известно, во флоте любят прикалываться. Не миновала и меня сия злая участь – то бишь, стать объектом розыгрыша. Расскажу, как это случилось. Месяца три-четыре мы отслужили, стало ясно, кто есть кто. Ну, я, понятно, отличник. А был в нашей роте замечательный главный старшина, Ничков по фамилии. Он выпустил две отличных смены. Ему б ещё одну – и медаль на грудь «За отличие в охране госграницы». Но у парня были золотые руки. Медаль мы тебе и так дадим, говорят командиры, ты нам сделай колонки для ВИА (вокально-инструментальный ансамбль). Ну, он и делал – что-то сам, а потом помощник потребовался. Приходит к замполиту Ежову, а тот:

– Кто у нас отличник? Агарков? В распоряжение главного старшины Ничкова.

День тружусь, второй. Нравится мне Ничков, я ему, похоже, тоже. Не панибратствуем, но и обходимся без уставных прелюдий. Он мне – Толян; я ему – Саня.

Трудимся. Заходит старшина первой статьи Петрыкин (в миру – Тундра, так как родом из Заполярья). Он – освобождённый комсомольский работник, вернее – безработник, так как целыми днями ни хрена не делает, слоняется по роте, ищет над кем приколоться. Заглянул в чеплашку с клеем:

– О-па-на! Кончился. Ну-ка, курсант, шилом в подвал. Найдёшь мичмана Казеинова, попросишь у него кузевалу – клей такой.

Я без задних мыслей в подвал. Бродил, бродил, нашёл – в какой-то бендежке два мичмана в шахматы режутся.

– Разрешите обратиться?

– Валяй.

– Ищу мичмана Казеинова.

Смотрю, собеседник мой побагровел и брови сдвинул, а партнёр его гримасничает – улыбку душит.

– Для чего?

Я чеплашку подаю, хотя уже чувствую, влип во что-то.

– Кузевалу надо – клей такой.

Один мичман закашлялся. Второй говорит:

– Какой педераст тебя послал?

– Никак нет, товарищ мичман – старшина первой статьи Петрыкин.

– Старшина твой и есть настоящий педераст. Скажи, что вечером я к нему загляну.

Когда вернулся с казеиновым клеем, Петрыкин встrepенулся со стула, на котором сидел, помахивая ножкой.

– Принёс?

– Так точно.

– Что сказал мичман Казеинов? – Петрыкин подмигнул Ничкову.

А я включил швейка – то есть, напустил на себя наиглупейший вид – и отвечаю:

– Сказал, что старшина, меня пославший, педераст, и он вечером его навестит. Спросил фамилию.

Петрыкин побелел, как песок полярной ночью:

– И ты сказал?

– Так точно.

– Тьфу! – Петрыкин спешно покинул нас.

Ничков улыбался ему в спину.

Вскоре нужда в помощнике иссякла, и он вернул меня, откуда брал – прямо на политзанятия.

– Ага, командировочный! – обрадовался Ежов. – А ну-ка скажите нам, товарищ прогульщик, что значит быть храбрым?

Я и до места не дошёл, прямо от дверей поплёл:

– Ну, понимаете... Надо человеку через речку перебраться, а мостик узенький, ему страшно – вот он по-пластунски переполз. Обошлось – не свалился. Следующий раз на карачках. Потом просто перешёл – храбрец. Значит, быть храбрым – это побеждать свой страх.

– А! – недовольно махнул на меня Ежов. – Вот она цена пропущенных занятий. Кто скажет?

Поднялся кто-то, рапортует:

– Быть храбрым – это значит брать высокие сокобязательства и выполнять их.

Ежов:

– Молодец. Пять.

– Ага, – бурчу, усаживаясь за парту. – А перевыполнять – героизм.

– Вот именно! – обрадовался Ежов. – И тебя пять. Вижу – мыслить умеешь.

Учёба в ОУОМСе давалась легко, и каждое воскресенье поощрялась. Наш недельный распорядок устроен был так – пять дней учёба, в субботу большая уборка в роте, воскресенье – выходной. Для всех прочих – фильм, свободное время. А отличников куда-нибудь выгуливали. В городе были много раз – во всех примечательных местах. В Новороссийск ездили на боевые корабли смотреть Черноморского флота. В долину Суко...

Вот если это был Урал, её бы назвали ложиной. На дальнем Востоке – распадком меж сопками. Здесь сопки нет. В преддверье Кавказских гор ущелье между двумя холмами называли долиной. Ничего на вид там не было примечательного – кусты, деревья на склонах, а внизу ручей журчит. Экскурсовод был замечательный. Он поведал, как в войну наши разведчики с капитаном Калининым нарвались здесь на фашистскую засаду. Ночью за ними должен катер прийти. Весь день они бились с превосходящим противником, теряя бойцов, отступали к морю. На закате оставшиеся в живых двое бойцов бросились в море и поплыли, чтобы не сдать врагу. С ножом против шмайсеров не устоишь, а патроны кончились. Фашисты палили им вслед – может, убили, а может, и нет...

Написали письмо турецким морякам, как запорожцы султану. Нет, с текстом всё в порядке – без оскорблений – мол, миру мир, и всё такое. Сам процесс шуточками сопровождался, а у меня Калинин с бойцами из головы не идут. Как воочию вижу серые тени немецких солдат на склонах, их мерзопакостные голоса – мол, русские, сдавайтесь! И стрельба, стрельба... Свист пуль. Вскрики раненых. Дым оседает в долину. И так не хочется умирать в этот солнечный день, когда природа цветёт и благоухает, и море ласкает бликами. Будь прокляты те, кто придумал войну!

Письмо написали, закупорили в бутылку, бросили в море – плыви к турецким берегам. Сели в автобус, тронули, а я головой верчу – будто что забыл в долине Суко.

Вечером к Постовальчику:

– Слышь, Вовчара, ты готов умереть? Ну, чтоб за Родину и всё такое. Меня разок бандюки пугнули – так я от них на край света бежал. А люди в бой идут – умирают и убивают. Мы с тобой сможем?

Постовал:

– Да, погоди ты умирать. Тут другое дело.... Ты заметил – у нас все мичмана красавцы, как с картинки.

– Ну и что?

– Естественный отбор. Остаются старшинами в отряде, женятся на местных. Есть жильё – вперёд, на сверхсрочную.

– Умно. Нам-то что?

– Балбес. Ты что, не хотел бы жить в Анапе?

– Не знаю. Наверное. Сестра пишет – оставайся, будем в гости приезжать.

– Ну, и...?

– Я согласен, остаюсь.

– Зря смеёшься. Давай прикинем. У меня есть шанс остаться в спортивной роте. А ты – лучший курсант. Тебя старшиной оставят.

– Могут, – неуверенно согласился я.

– Ну и вот, останемся, пойдём в увольнение, познакомимся с девчатами и женимся.

– Хохотушки здесь ничего, я видел – грудастые.

Вовкины слова тоже запали в душу и после непродолжительной борьбы вытеснили скорбь о капитане Калининe.

В следующее воскресенье отличников повезли в одну из городских школ на КВН. Здорово! Посмеялись, повеселились от души. Потом танцы. Мне одна девочка понравилась. Ещё на сцене её приметил – красивая, озорная. А смеётся как – загляденье. Музыка зазвучала, я к ней – позволите? Позволила. Второй танец – я опять рядом. На третьем говорю – а не позволят ли домой проводить?

– Тебе же в часть? – смеётся и удивляется.

– Могу я голову потерять, хоть раз в жизни.

– Так-таки первый раз?

– А то.

– Не верю я вам, особенно военным.

– Значит, вы не проникательны. Вот послушайте, как стучит, – прижимаю её ладонь к груди.

– Ну, ладно, ладно – словами убедил. Что с поступками?

Думаю, пусть Постовальчик пыхтит, гирьки свои в спортроте поднимает, об увольнении мечтает. А у меня уже сейчас будет девушка. В своём успехе я не сомневался – что же я, восьмиклассницу не оболтаю?

Удрал в самоволку. Идём по городу, болтаем. Я болтаю. Она смеётся. Пусть смеётся. Тактику, думаю, избрал правильную. Неумный на моём месте, о чём бы речь вёл? Ах-ах-ах, любовь-любовь-любовь.... И потом – а жильё у тебя есть?

А я умный и ей глаголю:

– Как ты можешь жить в такой дыре? Такая девочка яркая, можно сказать звезда морская – и такое захолустье. Вот отслужу, поедem со мной на Южный Урал? Там города – миллионные. Там заводы. Там мощь всей страны куётся. А природа.... А люди....

Добрались до её дома, поднялись на лестничную площадку. Я треплюсь, а её не удерживаю, наблюдаю – если уйдёт, значит, не зацепил и наоборот. Она слушает, хихикает, ждёт чего-то. Может, думает – с поцелуями полезу. Не дождёшься – я не такой!

Хлопнула дверь подъезда, шаги чьи-то поднимаются к нам. Смотрю – мама дорогая! – целый капитан первого ранга. Посмотрел на меня сурово, на дочь:

– Ирка, домой.

Та шмыг за двери.

– Ну...?

Я с трудом язык от нёба оторвал:

– Курсант одиннадцатой роты Агарков.

– Здесь самовольно?

– Так точно.

– Дуй в часть, скажешь старшине роты, чтоб наказал.

И всё, скрылся за дверью. Кому рассказать, не поверят – сам командир части каперанга Карцев застукал в самоволке и отпустил. «Скажешь старшине роты» – это шутка, не более. Что я, идиот, себе взыскания выпрашивать? Разве он меня запомнит? Таких гавриков у него пять тысяч штук.

Думаю, что соврать на КПП? Обязательно надо что-нибудь про Карцева – такой подарок судьбы. Но на КПП меня не тормознули – прошёл, как в порядке вещей.

Когда по части плёлся, мысли другой оборот приняли. Фамилию мою мог Карцев запомнить и роту. Явится проверить – вот он я во всей красе – самовольщик, трус и лгун. А ещё в зятя набивался. Нет, обязательно надо доложить Седову.

Дальше как – вот я страдаю, наказанный. Ирка меня находит – ах, ты бедненький. А я – папашку благодари. Она – папочка, как ты мог? Каперанга ко мне – прости, зятёк дорогой.

– Товарищ мичман, – подхожу к Седову. – Получил замечание от капитана первого ранга Карцева. Прибыл для получения наказания.

– Наказания? – старшина роты внимательно посмотрел на меня. – Хорошо, получишь. После завтрака задержись у тумбочки дневального. Инструктору скажешь – по приказу Седова.

И всё. Никаких расспросов: что почём, и как там Карцев? Умудрённый у нас старшина. Наутро ещё с одним пареньком по фамилии Сибилев прикорнули на стульях у поста дневального. Петрыкин летит:

– За мной.

На тот свет я за тобой бы пошёл да тормознулся, пропуская вперёд.

Вышли из части. В домах офицерского состава нашли нужную квартиру. Петрыкин задачу объяснил – капитан третьего ранга Яковлев ютится в гостинице, а семья по прежнему месту службы. Теперь им дают квартиру, которую наша задача – отремонтировать. И вот мы втроём, вооружившись скребками, стали скоблить стены и потолок. Пыль подняли... нагло-талась... Даже курить не хотелось после работы и после обеда. Сидим в курилке, дожидаясь Петрыкина, и не курим. Яковлев идёт:

– Вы, почему здесь?

Суетится, новосёл. А мы – так, мол, и так – старшину первой статьи Петрыкина ждём.

– Идёмте.

Яковлев отвёл нас к своему будущему дому:

– Ждите здесь.

Сели на лавочку у подъезда, ждём. Час проходит, другой – нет Петрыкина. Четыре часа прошло – запропал где-то Тундра. Смеркаться стало. В части горн заиграл – вечерняя прогулка. Ещё через полчаса второй сигнал – вечерняя поверка. Сибилев за угол заглянул:

– Кажется, свет в квартире горит.

– Тебе какая команда была? Сидеть ждать, а не в окна заглядывать.

Сибилев – недоученный студент Магнитогорского пединститута. Ему швейка врубить – не привыкать. Сидим, ждём, чувствуем – развязка близка.

Топают Яковлев.

– Вы чего здесь?

– Петрыкина ждём?

– А его не было? Ну-ка, пойдёмте.

Поднялись на этаж. Яковлев своим ключом квартиру открыл. В прихожей Петрыкин в нас задом целит – пол домывает.

– Вот как хорошо! – радуется взводный. – И побелили, значит. Можно въезжать.

Петрыкин на нас глазами вращает – морда пунцовая. В часть шли – поставил меня к Сибилеву в затылок и рычит:

– Раз-два, раз-два, левой....

И бубнит:

– Кранты вам, салаги, задрочу. Бог видит....

Мы идём, молчим и думаем: «Ну, дрочи, дрочи – да только известно, бодливой корове Бог рог не даёт».

На этот раз дал. Буквально на следующий день Глобус домой улизнул, в краткосрочный отпуск, а на его место инструктором к нам послали Петрыкина. В тот же день на вечерней проверке:

– Агарков, выйти из строя.

Подходит:

– Это что, это что...?

Дёрг меня за гюйс и пуговицу оторвал – форменный воротник повис на одном плече. Дёрг за робу – её край из-под брюк выпростался. Стою растрёпой, а Тундра:

– За нарушение внешнего вида объявляю наряд вне очереди.

Ну, наряд, так наряд. Он инструктор – имеет право. А я... Что я – служу, как говорится, Советскому Союзу.

Наряд вне очереди выпал на камбуз – в посудомойку. После развода нас ещё раз построили, проверили отсутствие грязи под ногтями, ну и прочее. Приняли мы боевые посты у отслужившей смены. Впереди ужин, но ещё есть время перекурить – курилка в подвале. Наряд-то не маленький – пять тысяч человек накорми, посуду помой, обеденные столы и залы тоже.

Спускаюсь в подвал. Группа курсантов толпится у трапа и дальше ни шагу. В чём дело? И курить охота, и время уходит. В чём дело? Из курилки пронзительный и ненавистный голос Петрыкина:

– Равняйся! Смирно! Отставить! Отставить касается команды «Смирно!», а «Ровняйся!» никто не отменял. Я вас, сволочи, научу Родину любить. Смирно!

Блин! Нигде от него нет покоя. Да плевать! Раздвинул плечом курсантов и пошёл в курилку. Открываю дверь, ко всему готовый – но к этому не был. Опешил от удивления – Устинька подметает пол и петрыкинским голосом орёт:

– Подтянуть грудь, выпятить живот.... Прямо шагом марш!

Наконец врубаюсь и подыгрываю – закрывая дверь, ору для оставшихся в коридоре:

– Разрешите присутствовать, товарищ старший сержант?

– Я вам покажу перекур! – надывается Устьенька. – Тряпку в зубы, и чтоб пол блестел.

Сели с курсантом Устьянцевым, курим, смотрим на дверь – кто первый войдёт? Докурили – никто не вошёл. Вот таких смельчаков набирают в морчасти погранвойск. И тупорей – назови я Петрыкина старшим сержантом, носом бы дверь открыл.

Чашки моет посудомоечная машина. Один курсант вставляет, другой вынимает и подаёт мне. Моя задача – всполоснуть их в ванне. На самом деле эта операция называется дезинфекция, и в ванне не просто горячая вода, а раствор горчицы. Лезть туда босыми руками нельзя. Вон на полочке лежат резиновые перчатки. Но кто бы объяснил.... А самому догадаться – с умом напряжёнка.

Помыли посуду, убрались в обеденных залах, поплелись в роту. Легли спать на час позже, а подняли на час раньше общего подъёма. В подвальном помещении камбуза построили. Краткий инструктаж. Старший наряда, проходя мимо, заметил.

– Что у вас с руками? Покажите. Дезинфицировал? В горчице? Бегом марш в санчасть.

Положили на недельку. Выхожу к здоровым людям, а там – мать честная! – полномасштабная война третьей смены с инструктором Петрыкиным. Глобус наш умудрился залететь в отпуск – подрался с кем-то. В мусарне посидел, потом в части досиживал. Лычки с него срезали и отправили в баталерку (кладовку) матросом. А Тундру назначили нашим инструктором на постоянной, стало быть, основе. Ну, он и взялся с нас шкуры драть. Но ведь и мы не пацаны доприсяжные – чему-то ОУОМС нас научил. Стали мы Петрыкину «паровозик» делать. Объясню тем, кто не служил.

Строй идёт – три шага нормальных, на четвёртый ботинком изо всех сил в асфальт. Получается: раз, два, три, бум...! раз, два, три, бум! На паровоз похоже. Для инструктора «паровозик» от смены – оскорбление. Коллеги смеются, командиры задумываются – а на своём ли старшина месте? Здесь одно спасение:

– Смена, бегом марш!

И вот мы, лучшая в отряде по строевой подготовке смена туда бегом, обратно бегом. Только вышли из корпуса, роты, камбуза:

– Смена, прямо бегом марш!

Заместителем у Карцева по строевой подготовке был кавторанга Белов – зверь о двух ногах. Станет в обед у чипка (матросское кафе) и смотрит: кто не так честь отдал – заворачивает. Соберёт вокруг себя десятка три-четыре бедолаг, и ходят они по кругу, и козыряют, пока не скажет Белов:

– Свободен.

В тот день мы мимо него трусцой.

Белов:

– Товарищ старшина.

Петрыкин:

– Смена стой.

И на полусогнутых к Белову – так, мол, и так, следуем с камбуза в учебный корпус.

– Ну, так и проследуйте, как подобает, – требует кавторанга.

Петрыкин возвращается:

– Правое плечо вперёд, смена, шагом марш.

Выводит нас на исходную прямую – к прохождению торжественным маршем готовит.

А от направляющих шепот шелестом:

– Паровозик, паровозик, паровозик....

Ну и что, что Белов. Ну и что, что зам по строевой. Достал Петрыкин до самого немогу.

Не отступать, моряки!

Идём. Петрыкин руку к виску:

– Смена, смирно, равнение на-Лево!

Всё сделали, как надо – и руки прижали, и на Белова дружно воззрились, а ногами:

Раз, два, три, бум! Раз, два, три, бум!

Крякнул Белов, развернулся и, широко ступая, ринулся в штаб. Мы подумали – всё, кранты Тундре. Он руку опустил, на нас не смотрит, топает по аллее (без команды и повернули) в учебный корпус.

За ночь Петрыкин оклемался, отошёл от животного страха перед Беловым. Утром на зарядке загнал нас в какой-то аппендикс аллей и давай воспитывать:

– Что, скоты – думали, ваша возьмёт? Ни черта! Ещё маршал Жуков говорил, что дисциплина держится на старшинах. А вы – тля, навоз, придурки недоученные. Я с вас ещё семнадцать шкур спущу, но сделаю людьми....

Туманец морозный, подтянувшись с моря, клубился по аллеям. Температура не такая уж и низкая для нас, уральцев, но при морской влажности уши сворачивала. Мы стояли без

шинелей, без головных уборов – Тундра, песец заполярный, закалял нас, приучал стойко переносить холода. Другие (чуть парок изо рта) – на зарядку в шинелях, на камбуз в шинелях, а мы всегда вот такими.

– Что здесь происходит? – майор в юбке, сама начальница медицинской службы отряда, топала мимо. – Кто старший?

Петрыкин метнулся к ней.

– Ты, ... ты, ... ты, ... – она не могла подыскать слов своему возмущению. – Курсантов в роту, а сам ко мне, вместе с командиром. Ко мне ...! бегом ...! вместе ...! в роту ...!

Она топала ногами и грозила кулаком Петрыкинской спине.

Всё, спёкся Тундра. На самоподготовку к нам пришли Яковлев и Ничков. Последнего взводный представил как нового инструктора. Только к утру следующего дня в смене осталось едва ли половина состава. Остальные в санчасти – результат Петрыкинского воспитания. Я ещё день держался, а потом чувствую – хреновато. Себя чувствую хреновато. Перед ужином подхожу к Седову. Он:

– Запишись в тетрадь дежурного. После ужина вас всех Петрыкин в санчасть сводит.

Опять Петрыкин!

Сели на камбузе – меня от еды воротит.

– Будешь? – двигаю чашку Терёшкину.

Ничков с края стола:

– Что там?

– Разрешите, – говорю, – выйти – тошнит.

– Беременный что ль? Иди.

Я поднялся из-за стола, баночку (лавочку) переступить не смог и упал в руки курсантов. Всё, отключился.

Очнулся в каком-то лазарете – восемь кроватей в два яруса, табуреты, тумбочки. Две двери – одна закрыта, другая в туалет. Двое парней в больничных халатах (под ними – тельники) режутся в карты. Меня зовут.

– А ну, кто войдёт?

– Сюда никто не войдёт – лазарет.

Их слова подтвердились – пищу нам выдали через окошечко в двери.

– Что творится? – спрашиваю.

– Под подозрением ты, на менингит. А менингит – болезнь заразная.

– А как же вы?

– И мы под подозрением.

Через пару дней подозрения с нас сняли и из лазарета перевели в палаты. Сестричка там – загляденье. У неё под халатиком ничего нет, ну в смысле, платья, юбки. Уголки разойдутся, между пуговиц что углядишь – тема обсуждений до самого отбоя. Однажды сунула мне руку в карман больничного халата и вытаскивает целую горсть таблеток – для Терёшкина собирал, тот всякую гадость жрёт.

– Вот, значит, как..., хорошо же....

С того дня вместо таблеток стали мне ставить уколы. Она же и ставила. Каково перед красивой девушкой голой-то задницей? А парни говорят – она к тебе не ровно дышит. Может быть. Вот как она уколы ставила. Трусы я сам спускал. Она – ладошкой проведёт, кожу в складку пальцами соберёт, а потом тыльной стороной – шлёп. Такая прелюдия. А уж потом по этому месту ваткой со спиртом и иглой.... Скажите, все сестрички так уколы ставят? Или она действительно, того.... Так сказала бы. Слышал, медички не из робких.

В канун госэкзаменов Ничков усадил нас в классе самоподготовки.

– Перед смертью, как говорится, не надышишься. То, что упустили в процессе обучения, за один день не наверстаешь. Поэтому мы сейчас побалакаем немножко и пойдём играть в футбол.

Футбол! За полгода ни разу не играли. Тут один москвич достал хвастовством – кого только он не делал на зелёном газоне. Всех! Страсть, как мне хотелось его наказать. И вот удача! Саня, ну, давай же быстрее. А Ничков говорил не торопясь, чуть-чуть подкашливая после каждой фразы:

– На границе вам придётся самостоятельно принимать решения в самых непредвиденных ситуациях. И отвечать за жизнь свою, подчиненного и пассажиров. Перед вашим призывом на Амуре инцидент был. С точки возвращался «Аист». На борту пассажирами два погранца с собакой. Ветер был, рябило. Парней укачало. Моряки их выгнали из каюты, заставили на кокпите к поручням привязаться. В какой-то момент старшина с управлением не справился и перевернул катер. Моряки выплыли, а солдаты утонули, и собака....

Кто-то хихикнул.

Ничков дёрнул головой:

– Пусть ваша мама дома смеётся, когда похоронку получит на вас.

Дальше главный старшина повёл такие речи, что мы и про футбол забыли. Где служить придётся? Одного-двух, лучших из лучших, оставят инструкторами в роте. Кто-то попадёт мотористами на ПСКРЫ (пограничный сторожевой корабль). Остальные разъедутся по бригадам малых катеров. Две таких на Чёрном море – в Балаклаве (Крым) и Очамчира (Грузия), на Дунае – в Киликии, под Ленинградом – Высоцк, на Амударье – Термез. Но там нет «Аистов». Там ходят на «Дельфинах», проект 1390. Слишком много песка в воде – водомёт «Аиста» не выдерживает. Ну, и Дальний Восток – Амур, Уссури. Примерно в таком порядке и распределяют – сначала отличников, потом середнячков, а плохишей – на остров Даманский....

Мы с Постовальчиком переглянулись – даешь Анапу!

Весенники уже сдали свои экзамены – разъехались. Старшин всего отряда собрали в одну роту. Они ходили на вечерней прогулке строем, но подруку. Пели:

– Ой, мороз, мороз, не морозь меня....

Абрикосы зацвели. Весна!

Ваше благородие госпожа Удача

Для кого-то ты лицом, а кому иначе

На Даманский остров плохишей свезли

Не везёт нам в службе – повезёт в любви.

Действительность опрокинула все ничковские посулы. Нас, круглых отличников, в роте получилось десятка полтора. Инструктором оставили Уфимцева: ещё бы – такая выправка! Просто манекен – не человек. Вовчик, кстати, на спортроту тоже пролетел. Был в нашей смене направляющий Шура Аполовников – не блистал, как Постовал, одноразовым успехом, но постоянно где-то участвовал. Участвовал и молчал. Под малый дембель оказалось – готовый многоборец, очень необходимый спортроте человек. Постовальчику кроме восточной границы ничего не светило. А у меня, я надеялся, ещё был выбор – Балаклава, Очамчира, Киликия. На худой конец, Высоцк, что под Ленинградом. Но приехал «покупатель» – лейтенант молоденький – из какого-то Дальнереченска на Уссури. Да-да, той самой, где остров Даманский, куда, по утверждению главного старшины, плохишей ссылают. И забрал с собой семейных самых смелых, самых первых – Женьку Талипова, Сашку Захарова, Лёшку Шлыкова, Славику Тюрина, Мишку Вахромеева, Чистякова (которого с большим трудом, но всё же убедил инструктор, что отца он не зарубил), ну, и Вашего покорного слугу. Не знаю, по какому прин-

ципу отбирал. Единственное, что нас объединяло, это малая Родина – Челябинская область. А может, он и не отбирал – взял, что подсунули.

Вывели нас на плац перед ротой, построили. Седов вещмешки проверил – чтобы в наличии были два тельника-майки, два плотных тельника (мы называли их осенними) и один с начёсом. Этот толстый и тёплый, как свитер, должен служить хозяину три года. Ещё выдали белые галанки и спортивные тапочки (в футбол играть?). Шинели лежали в скатках, а мы красовались в тёмно-синих суконных парадках и бескозырках – форма «три» называется.

Седов проверил всё и отошёл. Не было торжественных речей командования, не было марша «Прощание славянки». Обидно. Будто шарашку какую закончили, а не Отдельный Учебный Отряд Морских Специалистов. Дальневосточный лейтенант окинул нас орлиным взором и сказал просто, тихим голосом:

– Прощайтесь.

Я обнял Постовальчика:

– Прощай, брат. Может, свидимся.

– Прощай.

Вовка морду воротит – по-моему, он плакал и стеснялся слёз. У меня они тоже сами собой бежали, а я не стеснялся. Сели в автобус. Тут всю роту прорвало – свистят, бескозырками машут:

– Прощайте, ребята! Удачи вам! Отличной службы!

А мы смотрим в окна и молчим. Потому что они прощаются с нами, а мы ещё и с учебкой, со всей прекрасной Анапой и с самым синем в мире морем.

Мы были первыми. А потом, каждый день, команда за командой покидали Анапу бывшие курсанты одиннадцатой роты. Гулко стало в кубриках и тоскливо. Горстка последних решила устроить «прощальный вечер» старшине Петрыкину. Тот сразу после экзаменов и с начала малого дембеля перебрался ночевать в баталерку. Ребята пасли его, но Тундра был хитрым и не попадался. Терпение лопнуло – пошли дверь ломать. На шум Ничков притопал. Этот мог уговорить, этого уважали. Но спасал наш инструктор не Петрыкина – он так и сказал:

– Моряки, причём здесь дверь?

Знали ли об этом отцы-командиры? Думаю, Седов знал, но не вмешивался. Старший мичман, по моему разумению, полагал – раз присутствует прямой процесс воспитания курсантов инструктором, то имеет право быть и обратный. Это полезно. Ведь другие старшины не запираются на ночь в баталерку – так и спят на своих местах вместе с личным составом. Да-а, Петрыкину и я был не против пару раз в хавальник сунуть. Но наша команда далеко уже была от мест благословенных. Галопом проскочили до Волгограда, а здесь тормознулись на парутройку часиков. Не без пользы. Лейтенант, фамилия у него Берсенёв, говорит:

– Вы, парни, дайте домой телеграммы – в Челябинске пересадка и часов восемь-десять будем загорать на вокзале.

Тюрин, Шлыков и я, поколебавшись, пошли и дали – мол, буду в Челябинске такого-то, поезд такой-то, стоянка десять часов. Про стоянку – это чтобы много не платить. Почему колебался, спросите. Рассуждал: что родным делать больше нечего – меня встречать да провожать. Вон парни из провинции и не почесались даже. Тюрин со Шлыковым – городские, с ними всё ясно – на трамвайчик сел и на вокзале. Но очень мне хотелось маму увидеть, с отцом примириться. Я ему на день рождения «синявку» послал – форменную рубашка для мичманов и офицеров – а он и спасибо не сказал. Дуется старый. Приедет ли?

Вот он, Челябинск. На перроне полно народу. Высунулся в окно. Смотрю. Лица, лица.... Мама! Господи, приехали! Сестра вон.

Поезд ещё тормозит. Я толкаюсь к выходу бесцеремонно. Кто-то хватает меня за плечо:

– Эй, моряк, осади – куда прёшь?

Я поворачиваюсь, и мужик-верзила прячет руку. Я ещё не знаю, что моё лицо перепачкано сажей, и по щекам бегут слёзы. Тут, наверное, любой опешит.

Прыгаю с подножки вагона и попадаю в объятия отца. Потом мама, потом зять, потом... Потом... Сестра не хочет целовать:

– Какой ты грязный!

Вытирает своим платочком моё лицо.

Пошли в ресторан, выпили, разговорились.

– Чего не пишешь-то? – это я отцу.

– А ты?

Действительно. Послал телеграмму и ждал писем. Как пацан. Нет, как капризный ребёнок. Привык, чтоб родители за мной носились – ах, сыночка, ах, сыночек, не холодно ль тебе, не сыро? Блин, стыдно.

Сестра рассказала:

– Мы и забыли про папкины именины. Приходим, а он лежит в синей рубашке, которую ты прислал. Вот, говорит, сын на службе помнит, а вы...

Спустился в туалет. Смотрю – знакомый затылок. Подхожу.

– Закрывать и прекратить!

Он чуть было не закрыл, не прекратив. Колька! Здорово, сват!

На нём моя рубашка. Вещи я в общаге оставил, ребятам – носите, если подойдут. Значит, искал меня. Зачем?

– Пойдём в ресторан – у нас столик накрыт.

Поднимаемся.

– Ты как тогда отбился?

– Да, блин, думал, кранты – засунут пику под ребро. Но повезло. Выскочил на улицу – навстречу свадьба. Васька Прокоп младшего брата женит. Я в толпу вписался, они следом. Меня угостили, их уложили: Прокопы – парни крутые. А ты чего в армию смотался?

– В армию я бы не пошёл. А тут вакансия подвернулась в пограничном флоте – как не воспользоваться.

– Ну-ну....

Потом, уже прощаясь на перроне, как бы между прочим, спросил:

– С Надюхой что?

Он плечами дёрнул – не знаю, мол, и не интересуюсь. Понятно.

Девчонка Славика Тюрина вдруг запричитала, закричала в голос, прощаясь. Плакала, конечно. А мне её истерика – как удар под дых. Смотрю, отец заморгал часто-часто. Мама тянет платочек к носу. Как же – сынуля на китайскую границу едет.

Колька обнял несчастную:

– Что ж ты так убиваешься? Я-то здесь, с тобой остаюсь.

Она доверчиво склонила голову на его грудь – Колька всегда девушкам нравился.

Тюрин высунулся из окошка:

– Это что за дела? Люда! Людка!...

Но состав загрохотал, набирая скорость, и перрон, и все, кто на нём был, остались позади.

На несколько минут тормознулись в Златоусте. Закатный час – солнце скрылось за горами, с них на город ползут сумерки. Перрон пуст и тих. И в этой тишине отчётливо и напряжённо, нарастая, зазвенели девичьи каблучки. А вы, наверное, и не знали, как это может за душу щипать – перестук женских каблучков. Как будто в сердце стучатся – ближе, ближе....

Чистяков стоит у вагона, широко расставив ноги, выпятив богатырскую грудь. Вихрем что-то под окном промелькнуло, и вслед за глухим ударом тел оборвался стук каблучков – далеко не дюймовочка повисла на чистяковской шее. Меня б таким ураганом смело к чёртовой матери.

Грех смотреть на чужие поцелуи, и нет сил, взор оторвать. Где же ты, моё счастье каблучковое? Спишь ли, ешь ли? Сидишь за партой, иль спешишь на танцы? Хоть намекни, как ты выглядишь. Где и когда найдёшь меня – истосковалась вся душа.

Подошли чистяковские родители. Ну, мамашка-то точно родная – косая сажень в плечах. А мужичонка с ней рядом плюгавенький – такого не жалко зарубить. Мать дождалась терпеливо, когда девушка Чистякова опустила, и притянула его голову к необъятной своей груди. Мужичонку допустили последним – и только к рукопожатию. Всё, Чистяков, прыгай на подножку – поезд тронулся.

До Читы доползли без приключений. Разве что настроение у всех без исключения было подавленным. Встреча одним мгновением пролетела, а расстройств – на всю оставшуюся жизнь. Одно меня радовало – с батяней примирился. Приеду в часть – сразу напишу.

Тюрин допытывался – что за человек мой сват? И по какому праву он обнял его девушку? Чем Славика успокоить? Врать не хочется, страшать не хочется – всё будет так, как девчонка захочет, а сват лишнего себе не позволит. Сказал и сам себе не поверил...

Злоключения начались в Чите – здесь у нас опять пересадка. Какой-то хмырь, весь в наколках и тельник-майке, привязался – братки, мол, братки. Говорит, дальше едем вместе, и нам надо за него держаться. Летёху советует тряхнуть, а, трягнувши, выкинуть из вагона.

Берсенёв ему:

– Слышь, убогий, тельник – нижнее бельё, ему более кальсоны подходят.

У хмыря в руке початая бутылка пива. Две девицы непонятного возраста, как собачки, бегают за ним и всё норовят к горлышку приложиться. Мужик их отталкивает, сам отхлёбывает. На ноги девицам глянешь – вроде ничего. На лица – бр-р-р! – хуже атомной войны. Хмырь нам подмигивает:

– Сосок хотите? За фунфырь уступлю.

А потом как даст одной кулачищем. Дама упала, и он носом в стенку – кто-то из наших приложился. Окружили, а у него в руках финка.

– Попишу, моряки, ...ля буду, попишу.

Чистяков:

– Отойдите.

Ремень из тренчиков вытянул, на руку мотает, а хмырь нож перед собой и на прорыв пошёл – вырвался на перрон и стрекача задал. Тут наш поезд объявили. Садимся, а билеты наши раскидали нас по всему составу. Я в общем вагоне один оказался. Прошёлся туда, вернулся обратно – нет мест свободных. Я к проводнице.

– Нет, – говорю, – свободных мест.

Она:

– Садись, где найдёшь.

– Не найду – к вам приду.

– Приходи.

Снова бреду под завязку набитым вагоном. Солдат на нижней боковой спит. Бужу.

– Вставай, пехота, приехали.

Полку раскидали на столик и два сиденья. День проехали. На ночь глядя, солдат предлагает

– Давай ляжем валетом.

Мне только ног твоих у носа не хватало! Впрочем, мои тоже не «шипром» пахнут. Легли. Он мои голени обнял, я его. Спим, не спим – пытаемся. Среди ночи он пропал. Я раскинулся на полке и заснул с удовольствием. Вернулся солдат, будит:

– Слышь, моряк, у тебя на бутылку есть?

– Откуда деньги? Из учебки еду – лейтенант командир.

– Ну, тельняшку продай.

– Тебе что приспичило?

– В конце вагона двух тёлок дерут – за бутылку дают. Я был, отметился – сходи и ты, а я посплю.

– Слушай, мне как бы немножко не хочется.

– Да брось?

– Нет, правда, потерплю чуток.

– Ага, совсем чуток – три года.

– Теперь уже меньше.

– Нет, я ради этого дела последнюю рубаху отдам.

Солдат скинул ботинки и обнял мои голени. Лежал, лежал, ворочался, ворочался – потом встал и куда-то пропал. Наверное, пошёл последнюю рубаху проё.... Как бы это выразиться цензурно, и чтоб все поняли?

В Хабаровске опять пересадка с ночёвкой на вокзале. Во вполне приличном гальюне привели мы себя в порядок – умылись, побрились, почистились. Вот погладиться не удалось – а так был бы полный ажур. Пристроились ночевать – строим на баночке (лавка вокзальная), головой на плечо соседу.

Напротив – ожидающие. Дама – яркая блондинка, при ней два военных. Старлей, должно быть, муж, а прапорщик – брат. Её короткая кожаная юбка на баночке совсем потерялась. Всё, что выше колен, бросается в глаза, просто лезет нахально, не даёт окончательно сомкнуть веки и уснуть.

Чуть дальше, женщина в строгом платье, уложив на колени головку ребёнка, просидела всю ночь, чутко реагируя на все движения чада. Лицо типично еврейское, не лишённое, впрочем, привлекательности. Утром от блондинки остались одни ноги – на лицо без содроганья нельзя было глянуть. А юная мамаша, будто не спала, и не было для неё томительной ночи ожидания. Хочу жениться на еврейке.

Иман-1 – так раньше называлась эта узловая станция, а нынче город Дальнереченск. Две створки ворот с адмиралтейскими якорями из жести распахнулись, впуская нас на территорию части, и закрылись. Как символично! Если бы мы прошли через КПП, такого зрительного эффекта не было.

Лейтенант Берсенёв построил нас в шеренгу перед штабом и вошёл. Дождик накрапывал. С козырька перед штабной дверью лил ручьём. Кавторанга сунулся было к нам поближе (мне показалось, даже руку для рукопожатий приготовил), но попал под поток, втянул голову в плечи и вернулся на крыльцо. Из-под козырька представился:

– Начальник политотдела пятнадцатой отдельной бригады сторожевых кораблей и катеров капитан второго ранга Крохалёв Павел Евгеньевич.

Поздравил нас, новобранцев, с прибытием к месту службы. Сейчас посмотрят наши личные дела и быстренько оформят назначение. А он пойдёт и ускорит. И ушёл. Мы стоим под дождём – не сильным, но нудным, достаточным, чтобы считать себя промокшим до нитки. Мичман какой-то остановился и стал разглядывать нас, как зверей в зоопарке – только что палец в рот не сунул. Проходящий мимо матрос так лихо козырнул, что локтем сбил с него фуражку. В три движения он поймал её у самой земли, водрузил на голову и сказал:

– А вы чего здесь мокните? Идёмте в роту.

И привёл нас в зелёный барак – жилое помещение роты берегового обеспечения. Бербаза, проще говоря. Ещё их в глаза называют шакалами. И справедливо в этом я скоро сам убедился. Примчался офицерик в защитном плаще, всех забрал, оставил нас с Лёхой Шлыковым – мы, оказывается, ещё не доехали до своего места службы, нам надо сидеть и ждать команды. Я не расстроился – дело привычное. Лёха засуетился:

– Зё, я пойду на разведку.

Иные сокращают известное «земляк» до «зёма» – Шлык пошёл дальше. Он ещё в пути пытал Берсенева – что да как. Лёха хочет выдвинуться в лидеры, старшины, командиры. Да пусть себе. Мне надо переодеться. В роте дневальный у тумбочки, какой-то старшина с двумя соплями на плече полулежал на кровати, лениво пощипывая гитару. Должно быть, дежурный.

Достал из вещмешка тельник с начёсом, раскинул на кровати перед собой и начал стягивать сырую форму. Зацепил галанку с тельником, тяну через голову – не тянется. В исходное положение тоже не хотят возвращаться. Разделил их кое-как и выбрался из галанки. Думаю, не больше минуты была голова в потёмках одежд, гляжу – нет тельника с начёсом. Лежал передо мной на кровати, а теперь нет. Дневальный у тумбочки, дежурный в том же положении. Кто ноги приделал? До дневального далеко – явно не он. Тогда этот – сопленосец. Смотрю на старшину в упор. А он пронзительно голубыми глазками хлоп-хлоп. Положение наидурацкое – не знаю, что предпринять. И тельника жалко, и обидно – как пацана раздели за одну минуту. Не ожидал совсем, чтобы моряки такими делами занимались. Что же делать? Идти кровати потрошить – куда-то же эта гнида спрятала его. Самого за шкварник взять?

– Слышь, – говорю, – тельник отдай.

Он – сама невинность.

– Какой тельник?

– С начёсом. Он вот здесь лежал, и ты видел, кто ему ноги пристроил, если не сам взял.

– Что? – дежурный шакалов поднимается, медленно-медленно кладёт гитару, ремень поправляет, на котором болтается штык-нож, и ко мне направляется.

Тут Лёха Шлык врывается:

– Зё, одевайся. Нас баржа у причала ждёт, а ещё надо паёк получить.

Я одеваюсь, подходит голубоглазый дежурный шакалов.

– Что ты сказал? Повтори.

Он был немного повыше, но уже меня в плечах.

– Запомни, старшина, я таких обид не прощаю. И, Бог даст, свидимся ещё.

– Я тебя запомню, – сказал мне дежурный по роте берегового обеспечения.

Суетливость Шлыкова обернулась для нас не лучшим образом. На продовольственном складе откровенно надули – двоим на двое суток выдали булку хлеба, по щепотке чая с сахаром и банку тушенки. Я бы это съел за один присест, а чай выкинул.

Притопали на пирс, по трапу поднялись на самоходную баржу, представились мичману. Сходню тут же подняли, и посудина, приняв концы, отвалила. Идём вниз по Иману, курс на Уссури. Пару-тройку поворотов – и вот она, легендарная река. Навстречу, вздымая белые буруны, несётся «Шмель» – броненосец проекта 1204. Все броняшки опущены, и очень задиристо смотрится отнятая у танка башня с пушкой. Из недр плоскодонного чудовища несётся рык.

– Эй, на барже, принять к берегу.

Мы стопорнули дизель и ткнулись в кустарниковые заросли. На стремнине замер красавец «Шмель», чуть подрабатывая винтами. Весь, как ёжик иголками, утыканный стволами.

По нашему следу примчался «Аист» – привалил к борту. Штабной офицерик, высунувшись в люк рубки, орёт в мегафон:

– Куда вас черти понесли без документов?!

Ах, Лёха, Лёха – как с тобою плохо. Суета, в народе говорят, до добра не доводит. Я вот тельника лишился. Хотя, при чём здесь Шлык? Сам виноват – с шакалами надо ухо держать востро. Но как обидно.

Лёха принял документы и командование надо мной.

– Так, зе, давай перекусим.

Баржа вышла в Уссури и взяла курс к её истоку. Она плавно скользила в текучей воде, раскручивая спираль берегов, а мы на баке разложили наши припасы и размышляли – чем же вскрыть банку тушенку. Я признал Лёхина лидерство:

– Ты начальник – сходи, попроси нож.

Шлык отломил корку у булки:

– Попробуй пряжкой.

Я снял ремень, взял банку, крутил, крутил, скоблил, скоблил, потом признался – не умею. Лёха хлеб пощипывает и меня поучает:

– Вот так поверни, вот эдак попробуй.

Подошёл командир баржи мичман Гранин с охотничьим ружьём:

– Это все ваши припасы? Не густо. Хлеб дожуйте, а остальное сдайте на камбуз. Ужин будет на берегу.

Лёха сгрёб все припасы и поплёлся в рубку. А во мне загорелся охотничий азарт. Гранин присел на кнехт, а я на палубу за его спиной. Первым же выстрелом мичман сбил взлетающую с воды утку. Баржа тут же легла в дрейф.

– Прыгнешь? – Гранин повернулся ко мне.

– За своей бы – да.

– Логично.

Мичман быстро разделся и прыгнул за борт. Вынырнул с тигриным рыком. Я думаю, вода в апреле, что в Уссури, что у нас на Урале не намного теплее льда. В несколько взмахов настиг сносимую течением утку. Потряс над головой, и увидел подлетающую стаю.

– Стреляй, чего же ты!

Я схватил ружьё, нажал оба курка – один ствол бабахнул. Сбитая мною утка падала не камнем, и, упав, ещё продолжала движение – правда по кругу, и не поднимая головы.

– В Китай ушла, – огорчился мичман.

Однако поплыл за ней.

– Осторожнее, командир, – крикнул рулевой из рубки.

– Давай за мной, – махнул Гранин рукой.

Когда он вскарабкался на борт, до береговой черты оставалось пару метров. А за ними – Китай. Безлюдный, заросший камышом и кустарником – где же они своё миллиардное население прячут?

Про камбуз это Гранин лихо сказал. К закатному времени подошли к пограничной заставе и ткнулись в берег. Моряки с баржи вытащили примус, поставили закопченное ведро и начали заправлять варево. Нам со Шлыковым досталась ещё более ответственная работа – разобраться с трофеями. Ну, мне-то это дело привычное – отец охотник. А Лёха поиздевался над убитой уткой. Я уже палил паяльной лампой ощипанную, а Шлыков:

– Может, с неё шкуру спустить – и палить не надо?

– Учись, салага, – посоветовал мичман.

Подошли моряки с вельбота, который стоял неподалёку у мостика.

– Пригласите, братцы, пиши нормальной поесть.

Вытрясли в ведро пару банок тушенки и каких-то круп из мешочков.

Нормальная пища пахла дымом, была пересолёна и переперчёна, но удивительно вкусна.

– Молодые? – спросил старшина вельбота Виктор Коротков. – Земляки есть?

– Из Челябинска призывались, – ответил за двоих, так как Лёха, поужинав, продолжил издевательства над покойной птицей.

– Опа-на! – взликовал Коротков. – Земляки. Я из Магнитки.

– Витёк, спой, – попросили баржисты.

Старшине вельбота принесли гитару. Коротков тронул струны и запел тихо-тихо, грустно-грустно. Эту песню он сам сочинил, и Вы наверняка её не слышали. Мотив я передать не смогу, но слова... вот они:

Грустит моряк, не спит моряк, и сны ему не снятся

Письмо давно ушло в село – ответа не дожидаться

Из-за тебя покой, и сон моряк теряет – слышишь

Он сел тебе письмо писать, а ты ему не пишешь.

Приедет он в родной район под осень на попутке

Пройдёт твой дом и не зайдёт, друзей услышав шутки.

И снова ты по вечерам гитару его слышишь

Он снова сел тебе писать, а ты ему не пишешь.

Хорошо грустить у костра – сиё мероприятие с детства обожаю. Куда-то улетают все беды и невзгоды, остаётся одна светлая и святая грусть, которая так роднит русские души.

– Пойдём, земляк, ко мне ночевать, – обнял меня за плечи Коротков. – На этой барракуде всё пропахло маслом.

Мы справили все дела и улеглись втроём на двух матрасах на дне вельбота. На берегу Лёха пыхтел над паяльной лампой, наконец-то лишив утку перьев.

Вельбот – это дровяное создание с небольшим двухцилиндровым дизелем и реверсом для смены направления вращения винта. Вал от дизеля к редуктору ещё чем-то прикрыт, а после него открыто вращается до опорного подшипника, через который уходит под нище и крутит винт. Техника прошлого века – чуть зазеваешься и наматываешь штанину на валолинию. Ни кают, ни рубки. Носовая часть прикрыта брезентовым пологом. Под ним мы и ночевали бес-печно. Почему бес-печно? Так ведь, до полувраждебного Китая едва ли полсотни метров, а у нас ни часовых, ни вахтенных.

Проснулись с восходом солнца. Оно прижало туман к воде, позолотив верхушки деревьев. А потом, выпрыгнув из-за кромки леса, набросилось на дрожащее марево и порвало в клочья. Обессиленный, туман лёг на воду бесследно и росой на вельбот.

Что ни говори, а ночи в апреле ещё зябкие. Меня ребята в серёдку положили – мне хорошо, тепло, а они поворочались – то один бок об меня согревают, то другой. Выбрались из-под полога, тут и увидели китайцев – с удочками на противоположном берегу. Их было трое – старик с бородкой клинышком и в такой же шляпе, мужик средних лет (мордovorот китайского масштаба) и юнец тощого пятнадцати лет.

– Смотри, зёма, фокус-покус, – Коротков свистнул по-разбойничьи, воздел к небу кулаки и потряс ими.

Действия, прямо скажем, двусмысленные. При большом желании это можно было растолковать и так – привет, камрады! По крайней мере, старик так и понял – он закивал головой часто-часто, макая бородёнку между колен. В избытке братских чувств помахал нам ладошкой. Тот, чья морда была шире узких плеч, только головой дёрнул – будто комара с шеи прогнал. А малец подпрыгнул, заплясал, заверещал – то зад к нам повернёт и похлопает, то рожи кажет, то язык. Мог бы и не напрягаться, выкидыш культурной революции.

Когда выводили баржу на стремнину, Гранин такой вираж заложил, что побежавшая волна смысла китайцев с их полого берега.

Вошли в Сунгачу. Берега стали ещё ближе, повороты круче. Гранин сам встал за штурвал и разогнал посудину до предела возможного – иначе не впишешься. По нашему берегу, то скрываясь в кустах, то вновь появляясь на чистинах, бежал оленёнок с черными пятнами на желтом крупе. Долго бежал, будто соревнуясь. Я зашёл к Гранину в ходовую рубку.

– Это кабарга, – пояснил мичман. – Ох, и любознательные же создания.

Об охоте и не помышляет командир, знай себе, накручивает – то влево вираж, то вправо. От усердия испарина на лбу, сбился в локон промокший чуб.

В виду Номомихайловской заставы баржу атаковал ледоход. Каким-то чудом успел Гранин узреть, что на нас надвигается за следующим поворотом – успел и ход сбросить, и при-ткнуть баржу к берегу. Моряки едва успели завести концы на берег и ошвартовать посудину, как шипя и ломаясь, с грохотом на её борт обрушилось ледяное месиво. Разнокалиберные льдины, то погружаясь в пучины, то высываясь клыками исполинского чудовища, неслось вниз по течению, тараня баржу, в струны вытянув её швартовые. Посудина гудела утробно от ударов под ватерлинию.

– Только бы винт не сорвало, только бы руль не погнуло, – как молитву бормотал Гранин.

Ледяное месиво, обогнув корму, закружилось в воронке у противоположного борта. Натяжение швартового троса ослабло. Передний край ледохода понёсся вниз по течению и скрылся за поворотом Сунгачи. Опасность, быть сорванными со швартовых и захваченными в плен ледоходом, миновала. Отдельные удары по корпусу ещё сотрясали судно, но стали привычны настолько, что мы не спеша попили чаю из термоса, намазав масло на хлеб.

– Вот, моряки, – сказал Гранин, обращаясь к нам с Лёхой, – какие сюрпризы преподносит иногда ваша Ханка – с ней надо ухо держать востро.

Ледоход длился около трёх часов. Когда вода очистилась, баржа причалила к Новомихайловской заставе. Гранин спешил, не желая здесь ночевать – его ребята подняли из трюма бочки с дизельным маслом и оставили на берегу вместе с нами. Моряки с прикомандированного «Аиста» нам сказали – топайте на заставу.

Лёха спросил у дежурного сержанта, можно ли лечь. Тот указал свободные кровати. Шлык тут же завалился спать – сказывалось ночное единоборство с покойной птицей. Я послонялся по казарме – все заняты своими пограничными делами, и никто не загорелся желанием покормить двух несчастных путешественников. Прилёг покомарить.

Проснулся от чьего-то внимательного и недоброжелательного взгляда. Некий ефрейтор пялился на моё лицо. Не найдя в нём ничего позитивного для себя, он уже потянулся лапой к одеялу с явным намерением сорвать его с меня, но зацепился взглядом за табурет. На нём аккуратно – как учили в Анапе – была сложена моя верхняя одежда. Вид тельника и бескозырки смутили его. Он почесал затылок, потом сделал разворот оверштаг (на 180 градусов) и пнул панцирь кровати по соседству через проход.

– Подъём, черпак, картошку чистить.

Ефрейтор ушёл, а черпак начал одеваться, явно разобиженный. Увидев, что я не сплю и наблюдаю за ним, спросил:

– У вас такие же порядки?

– Не знаю, – пожал плечами. – Мы ведь с учебки едем.

Солдат ушёл. Я огляделся. За окнами ночь. В казарме горел дежурный огонь, спали пограничники, но многие кровати были заправлены – должно быть, хозяева в наряде. Встал, оделся и вышел из спального помещения. Соседа-черпака нашёл на кухне. В гордом одиночестве чистил картошку.

– Есть ещё нож? – вызвался помочь, так как спать совсем не хотелось, а вот есть – ещё как.

– Есть. А закурить?

Я прикурил сигарету и сунул черпаку в рот – руки его были сырыми. Сам покурил и взялся за нож. Два ведра картошки, лишившись кожуры, перебрались в алюминиевый бак.

– О-па-на! – в дверях вырос давешний ефрейтор. Он хотел что-то сказать, но, вид моего тельника и ножа в руке, сбил его с мысли. Поскрёб пятернёй затылок, отыскивая нужные мысли, и изрёк:

– А не пожарить ли нам картофанчика, мужики?

Жарил он сам. Жарил умело и ладно заправил – запах с ума сводил. Хотелось с рычанием наброситься на сковороду, когда она с плиты перекочевала на стол, но умял свои страсти и пошёл за Лёхой. Того будить – бесполезные хлопоты. Он ворочался и мычал. Причём, я уго-

варивал его шёпотом, а он отбрыкивался в полный голос. Наконец из дальнего угла прилетела подушка:

– Идите к чёрту!

И я пошёл, но на кухню к ароматной, с луком и свиной тушенкой, картошке. Ефрейтор что-то знал о нашей судьбе:

– Вы не торопитесь – завтра за вами придёт малый катер из Камень-Рыболова. В ночь он не рискнёт, значит, пришлёт не раньше обеда. Отоспитесь.

Меня раззадорили вчерашние китайцы.

– А вы здесь рыбачите?

– Только на удочку, когда есть время свободное. У соседей – сети, морды, перемёты. Каждый день проверяют. У них вообще странная служба какая-то. Застава за рекой напротив нашей. Только они там не живут. Приезжают каждый день: четверо на лодке – сети проверять, остальные в волейбол играть. Рыбу сварят, ухи напорются – и спать. К вечеру опять снасти проверят и домой. Только, скажу я вам, всё это демонстрация. Лежат у них солдаты в секретях – чуть только сунешься, тут как тут. Против нашего отряда стоит особая тигровая дивизия – тысяч около двухсот. Все мордороты – я те дам.

– Видел я вчера тигра саблезубого – щёки шире плеч.

– Вам, морякам, вообще с ними дружить надо – не ровен час, залетишь на тот берег. Убить, конечно, не убьют. Да и бить, пытая, тоже не будут. Там волком взвоешь и Лазаря запоёшь от пищи скудной. Бедно живут, что говорить. Щепотка риса – дневная норма. В прошлом году занесло каким-то ветром посудину с гидрографами на китайскую сторону, к берегу прибило. Вернули их через неделю – не то чтобы формальности какие блюли – погода не позволяли. С виду вроде довольные, говорят – не обижали. На довольствие поставили по рангу старшего офицера, то есть майора или полковника. Но у гидрографов с такой пищи животы повело. На нашу заставу их передали. Здесь ещё три дня ждали okazji, отъедались. Девчонка среди них была из Владика. Остановишься с ней поболтать – она ничего, разговорчивая, улыбчивая. А потом вдруг схватится за живот и бегом в известное место. Хорошо, если открыто, а если занято...? И смех, и грех.

– Так как насчёт рыбалки?

– Да будет тебе рыбалка, и удочки будут – ты только червей подкопай.

После завтрака, вооружившись лопатой, пошёл копать червей. Здесь копну, там копну – пусто в земле. Китайцы что ли съели? Лёха бежит:

– Бросай лопату, зё, отчаливаем.

– Катер пришёл?

– Нет, навстречу пойдём.

Мы загрузили пожитки и на прикомандированном к заставе «Аисте» вышли в Ханку. На малых катерах нет никаких средств ориентации – ни компасов, ни РЛС (радиолокационная станция). Поэтому идём ввиду берега и знаем, что не разминемся. В полдень и произошла эта историческая встреча – нас с одного «Аиста» передали на другой. Старшиной на нём ходил Иван Богданов, а мотористом – Володя Волошин. Володя – весенник, ему ещё два года служить. А Ивану до приказа – полгода. Он – главный старшина, мастер по специальности, отличник погранвойск и флота. А из себя – усатый Геркулес, только роста небольшого. Три года с утра до вечера гирьки поднимал – и накачался.

– Качку переносите? – спросил нас. – Тогда шилом в каюту, и чтоб я вас до швартовки не видел.

Как сказал, так и исполнили – спустились в каюту и завалились спать, справедливо полагая, что экзотика Ханки от нас никуда не денется.

Лишь только привальный брус стукнулся обо что-то, Лёха раздвинул дверцы-шторки каюты. Мимо швартующегося за штурвалом Богданова выбрались на кокпит. Вот он Камень-

Рыболов. Скалистый тёмный утёс. Справа зелёные бараки флотской части. А перед нами бетонная стенка дамбы и строй сторожевых катеров. Нет, сторожевиков только два, остальные – артиллерийские катера Краснознамённого Тихоокеанского флота. Разница – в одну пушку на корме. Впрочем, два спаренных ствола – это скорее зенитный пулемёт на турели. Такой же и на «Шмеле» есть.

Кому-то мы должны доложиться, отдать предписание. Впрочем, им Лёха сразу завладел – пусть теперь и суетится. Шлык взобрался на палубу ПСКа и пошёл искать, кому доложиться. Я присел на баночку на кокпите и стал ждать развития событий. Однако, появился старшина Богданов и заявил, что совершенно не намерен терпеть более моё присутствие на своей «ласточке». Я перекидал вещи на палубу ПСКа, и сам перебрался. Сел на какой-то ящик на юте с прежним желанием – ждать развития событий. Шли они достаточно непредсказуемо.

Матрос в синей робе остановил на мне свой взор:

- Молодой?
- Пополнение, – говорю: очень не хотелось отзываться на «молодого».
- В футбол играешь?
- Более-менее.
- Ну, играл?
- Играл.
- Собирайся.
- А вещи куда?
- В пассажирку, – он открыл люк на спардеке.

Помог занести рюкзаки и шинели в пассажирку. Я переоделся в белую анапскую робу, на ноги – девственно чистые (по причине неприменения) спортивные тапочки. Оставляя без пригляда свой и Лёхин рюкзаки, подумал – будет здорово, если нас оберут здесь до нитки.

С новым знакомцем, который был весенником второго года службы, москвичом и прозывался Валерием Коваленко, мы сошли на берег, потопали к флотским. Валеру тихоокеанцы приветствовали радостно, меня сдержанно:

- Молодой? Играет? Сейчас посмотрим.

Мы были в спортивном городке, на футбольном поле. Желаящий посмотреть поставил мяч на одиннадцатиметровую отметку и встал в рамку.

- Бей!

Я разбежался и врезал по мячу. Удар получился классный – вслед за мячом полетел и тапок. Мяч влетел в один угол, моя обувка – в другой. Флотский только руками развёл, ничего не поймав.

- Парень годится, а обувь нет.

Мне нашли потрёпанные бутсы. На КПП забрались в автофургон и поехали на стадион. Увидел посёлок, гражданские лица и почувствовал себя самовольщиком.

Игра была календарной, на первенство посёлка (или гарнизона?). Против нас бились офицеры вертолётного полка. Бегать они мастера – не смотри, что по небу летают. А вот с мячом не на «ты» – техники никакой. Освоившись в первом тайме, мы с Валерой создали тандем по правому краю и сделали всю игру во втором. Как только мяч у меня, Коваленко делает рывок, и я выдаю ему точный пас на ход. Играл он здорово – что наш Сашка Ломовцев, только ещё более нацеленный на ворота. Бил из любых положений, и часто забивал. Вертолётчикам три плюхи закатил – отдыхай, пропеллеры!

Тихоокеанцы:

- Всё, теперь всегда за нас играть будешь – с Валерой вместе.

Коваленко:

- Если к нам попадёт. Одного моториста ждут во втором звене – они сейчас на границе.

Моего отсутствия на ПСКА никто не заметил. И вещи не тронули. Лёха свои забрал. Он уже получил назначение мотористом на ПСКА-66, побывал в машинном отделении и даже что-то там успел починить. Его старшина Володя Калянов из Питера – а в Ленинграде почему-то ни разу не был и даже не слышал о таком. Лёха обзавёлся кроватью в кубрике и шкафчиком для личных вещей. А мне предстоит ночлег на баночке в пассажирке. За ужином боцман ПСКА-67 напомнил морской закон:

– Посуду моет самый молодой.

Я хотел было высказаться насчёт другого закона – гостеприимства, например – да промолчал. Хорошо – покормили. Принёс с камбуза бак горячей воды и принялся за мытьё. Делал это не торопясь, тщательно, всем своим видом показывая – ах, как мне нравится это занятие. Притопал Лёха. Он тоже порубал на своём «корвете», а посуду моет очередник.

– Ты, зё, старайся, старайся, – прикалывался он. – Глядишь, погранца заработаешь.

Услышал его боцман Мишарин:

– Нет, за посуду погранца не дадут, а вот за стоящее дело – легко. Ну-ка, подь сюды.

Боцман открыл форпик, извлёк на белый свет кувалду.

– Будем кнехты осаживать. Бей!

Лёха, что было мочи, ахнул по битенг-кнехту на баке. В люке командирской каюты показалась голова мичмана Тихомирова.

– Что происходит?

– Кнехты осаживаем, – сказал Мишарин, лёжа на палубе и заглядывая в форпик. – Вытянулись от швартовок. Давай ещё.

Гром ударов далеко разносился по стальному телу сторожевика. Вскоре собралась толпа зевак и, пряча улыбки, стали давать Лёхе советы и делать замечания.

– Тьфу, чёрт! – выругался Мишарин. – Лишка. Лишка, говорю, осадили. Придётся вытягивать.

Лёха схватился за приваренный к палубе кнехт и стал тянуть его вверх изо всех сил, хотя и до его тупой башки дошло, наконец, понимание, что над ним прикалывается команда. Во флоте это любят.

А я мыл кружки и после вечернего чая. И на следующий день после завтрака. А после обеда забрался в кузов ГАЗ-66 и поехал на границу, где ждал своей смены дембель Никишка.

Деревня называлась Платоновка. Два сторожевых катера ошвартовались у берега. С одного по сходне буквально слетел старшина первой статьи Никифоров.

– Где твои вещи?

Он подхватил мой рюкзак и шинель, скачками помчался обратно. Я едва успевал за ним по песку, а на сходне безнадежно отстал. Спустился в кубрик в гордом одиночестве. И совершил первую ошибку – надо было крикнуть с палубы: «Прошу добро». Этому меня обучили в первый же день на 67-м. А я подумал, что за меня всё сказал Никишка, и молча ввалился в кубрик, где сразу же напрягся экипаж – что за фраера им подсунули?

Старшина первой статьи Никифоров уже сунул мою шинель в шкафчик.

– Твой. И кровать твоя, – постучал ладонью по панцирю гамака. – А это твой начальник.

– У-у, сука, – поднёс он кулак к носу старшего матроса Сосненко. – Гляди у меня.

Получилось не грозно, а совсем даже смешно, когда тот задёргал своим клювом. Никифоров подхватил дембельский портфельчик с якорем на язычке и стал обниматься с ребятами, прощаясь.

– Прошу добро! – и топ-топ-топ по трапу. В кубрик спустился дембель с ПСКА-68 Генка Рожков.

– Что, Никишка, готов? Замену прислали? Ты что ль? С одиннадцатой роты? В шахматы играешь? Сейчас обую – сиди, жди.

Рожков умчался за доской. Ребята проводили Никишку, притащили хлеб из машины, сбились в кубрик меня послушать, но появился дембель Рожков, и мы расставили фигуры.

– Куришь?

– Курю.

– Боцман, где попельница?

Это он по-хохляцки сказал. Боцман катера, старшина первой статьи Леонид Петрович Теслик подал обрез снарядной гильзы с якорьком на боку. И я совершил вторую грубейшую ошибку – закурил в кубрике, что категорически запрещалось. Боцман на мою наглость беззвучно скрипнул зубами и удалился. Следом потянулся весь экипаж. Остался только комендор Мишка Терехов и сверлил меня взглядом, пожирая глазами. А я положил сигареты на стол, но Рожков, проигрывая, разволновался, захотел выкурить папиросу, которой ни у кого из присутствующих не оказалось. Тогда он залез в ящик с личными вещами старшего матроса Сосненко и ловко, не раскрывая пачки, извлёк спичкой две папиросы.

– Будешь? – предложил мне.

Я закурил. Рожков сунул свой дембельский кулак Терехову под нос:

– Тока пикни.

Потом развеселился, поймав меня на просмотре:

– У хохла не убудет.

Тут и Терехова справедливый гнев на мою беспредельную (беспечную?) наглость сорвал с места и погнал на палубу. Должно быть, искры выбивали из стальных балясин трапа его гады (флотская обувь) – так барабанили. Он, конечно же, доложил о проделке Рожкова и моём участии.

– Прости, Коля, – сказал боцман моему непосредственному начальнику. – Но я твоего молодого задрочу.

Ваше благородие, господин годок

Ты на мне поездил вдоль и поперёк

Спасибо за науку и домой гребки

Не везёт мне в службе – повезёт в любви.

Не удалось боцману меня задрочить. Он сам мне об этом потом сказал – хотел, мол, а теперь не будет, поскольку я парень нормальный и дрочить меня не за что. Сейчас расскажу, как это получилось.

Начало смеркаться, командир сыграл боевую тревогу – длинный такой пронзительный звонок, будто школьникам на урок. Думаете, следом – топот ног, моряки помчались по боевым постам, готовить катер к бою и походу. Да ничуть не бывало – нехотя побросали «бычки» в воду и побрели с лентой, кто куда. Мы с Сосненко – в машинное отделение. Он сказал:

– Смотри и запоминай.

Прокачал давление масла насосом, включил стартер и запустил ходовой двигатель. Пока он разогревался, Николай запустил дизель-генератор. Над главным двигателем корабельный телеграф. Позвонил, когда стрелка, сделав пробежку по сектору, остановилась, указывая «малый вперёд». Сосненко, продублировав команду, совместил указатели. Переключил рычаг реверс-редуктора в положение «вперёд» и добавил оборотов двигателю. Стрелка тахометра заплясала у первой красной чёрточки. Коля на пальцах объяснил, что эти обороты отвечают команде «малый» ход. Вторая и третья красные стрелки на стекле тахометра соответственно – «средний» и «полный».

– Всё понял? Иди спать, в два часа меня сменишь.

Пробрался в кубрик, ощупью расправил постель в своём гамаке, разделся и лёг. Сон не шёл. Началась сильная качка. Кингстон завыл тираннозавром. В борт гулко бились волны.

Всё, подумал, сейчас усну и утону, не просыпаясь. И уснул. И проснулся не на дне Ханки. Коля Сосненко уже разбирал свою постель на рундуке и ругал командира:

– Все люди, как люди, а этот хрен на блюде.

Я прыгнул с гамака:

– Что случилось?

– Пока ничего, но случится.

– Мы на линейке?

– И не ходили. Слышь, как волны разгулялись. Помудохаются сейчас с боцманом.

Я прыгнул в машинное отделение с желанием осмотреться и сделать уборку, но сверху, в люк спардека, боцман машет.

– Пошли якорь выбирать.

Что учудил наш командир, за что ругал его Сосненко? Из Платоновской бухты вышли на простор, а тут волна. Мичман Беспалов решил – на линейку не пойдём, здесь будем бдеть. И спать завалился. Бросили якорь на самом юру. Боцман, как и я, в два заступает, сменяя командира. А тот в двенадцатом в каюту нырнул и приказал Теслику поднять. Вот Петрович и чертыхается – якорь не держит. Подняли – бросили, подняли – бросили. Четыре раза они его с Колей выбирали, теперь Сосненко спать пошёл, а у боцмана только-только официальная вахта началась. Не спят ещё радист и радиометрист, но первому нельзя на руку больше пятнадцати килограммов, а второй границу зрит в свою РЛС. Так что все якорные страсти на наши с боцманом плечи легли.

Вот мы уже шестой раз цепь стравили и присели отдохнуть на люк форпика.

– Как ты, – спрашиваю, – определяешь, что сносит?

– Легко, – отвечает. – Если качка килевая – держит якорь, бортовая – несёт нас к чёртовой матери.

Только проговорить успел, «Ярославец» дёрнулся и лёг бортом под волну. Окаатило нас с головы до ног.

– Кончай перекур, – рычит боцманюга. – Начинай отжимания.

Искусство постановки якоря несложное – когда он на клюзе, даёшь катеру «малый назад» и отпускаешь стопора. Метров тридцать-сорок цепи травить, потом – стоп. Якорь должен зацепиться за грунт и держать судно на привязи. Вообще-то длина цепи 70 метров, но если 40 не держат, к чему всю травить – самим же потом выбирать. Можно бросить второй якорь, но боцман боится – запутаются цепи, тогда кранты всему катеру.

В четырнадцатый раз поднимали этот распроклятый якорь, когда Лёха Теслик травмировался. Рукоятку не законтрил, приложился со всей своей хохлацкой силушки, и прилетела она (рукоятка) в подбородок его волевой. Рассекла – ладно не до кости. Боцман в кубрик спустился. Радист Ваня Оленчук кинул боевой пост – рукава засучил, пытался унять кровотечение. Ну а я в гордом одиночестве продолжал бороться со стихией. Крутил шпиль, ловя слабину, а потом отпускал стопора, бросая якорь в пучину. Бросал наудачу, не подрабатывая винтом – потому как разорваться не мог. Скрежетал якорь в клюзе, гремела цепь, а в каюте дрых беспечно сундук (а как ещё назвать долбанного мичманюгу, бросившего катер и экипаж на произвол стихии). Я даже рукоять шпилья ударил о палубу как раз над каютой со всей силы. А боцман пришёл, покачал головой – напрасно ты это, приятель. Рана его, затыканная ватой и стянутая пластырями, всё же кровоточила. Как такого на шпиль? И я один, ловя слабину, наяривал рукояткой.

– Бросай, – сказал боцману и пошёл запускать двигатель.

Кажется, зацепились. Вот тогда сели с Тесликом плечо к плечу отдышаться. Обнял он меня и говорит – мол, нормальный ты парень, Толька, хотел тебя подрючить малость, да, вижу, и без того с нашим Тараканом всем достанется и мало не покажется. Вот такие дела.

Это лишь эпизод нашей боевой службы и флотской дружбы. А сколько их будет ещё? Но давайте всё по порядку.

ПСКА наш носил бортовой номер – 269, а оперативный – 69. Исполнен был из портового буксира проекта 376-У, с красивым серийным названием «Ярославец». По причине своего профессионального предназначения имел огромный винт и малооборотистый двигатель. Да нам и не надо было за кем-то гоняться – наша задача обнаружить цель и доложить пограницам. Ну, а дальше – по обстоятельствам. На вооружении имел двуствольный пулемёт калибра 14,2 мм, РЛС «Донец-2» и штуки три радиостанции. Магнитные компасы и гирокомпас.

По карте и напропалую командиром на нём ходил мичман Беспалов Александр Васильевич, в миру – Таракан. Кличку получил за чёрные усы, торчащие как у Петра 1. Только тому почему-то шли. Начали шёпотом в нашем экипаже – Таракан, мол, Таракан. Сергуха Леонтьев, старшина мотористов ПСКА-68 (второй сторожевик нашего звена), услышал и утром – а был дежурным по рейду – как гаркнет:

– На катерах смирно!

И пошёл, печатая шаг, с докладом к прибывшему мичману Герасименко. Он единственный из всех старшин группы подавал команду для сундука – своего командира. За то и обласкан был.

– Кто на катерах? – спрашивает Николай Николаевич.

– Мичман Тараканов.

– Какой такой мичман Тараканов? Почему не знаю?

Тут Беспалов свою головёшку усатую в люк просовывает.

– Ты что ль Тараканов? – ликует Герасименко.

С того и пошло.

Беспалов отслужил срочную в погранвойсках, потом подучился где-то во Владике и явился мичманом на Ханку. Встречайте героя! Понятно, что солдатское прошлое авторитета ему не добавляло. Да к тому же от природы он был туп, скуп и невезуч. Это субъективное моё утверждение, но жизнь раз за разом доказывало его объективность.

Первую границу он отходил стажёром под командой каплея Кукина, замполита группы. Во второй раз вышел полновластным (полноответственным?) командиром. А тут и меня подвезли в Платоновку. Ко мне он благоволил, наверное, потому, что мотылей (мотористов) все уважают. Но я не ответил ему взаимностью – глухое чувство неприязни возникло фактически сразу (с той памятной штормовой ночи) и до конца всей службы осталось. Ни разу не дал он повода в нём усомниться. Возвращаемся в базу с границы, а он, молодожён, сучит ногами по мостику и возбуждённо поёт:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.